

УДК 376.32

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-7

Ю.В. ПАТЛАНЬ,
*ведущий научный сотрудник отдела архивов
НЦНК «Музей Ивана Гончара» (г. Киев)*

ВАСИЛИЙ ЕРОШЕНКО КАК СОЗДАТЕЛЬ И РУКОВОДИТЕЛЬ ПЕРВОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО ДЕТСКОГО ДОМА ДЛЯ СЛЕПЫХ ДЕТЕЙ ТУРКМЕННОЙ ССР (1935–1945)

Статья подготовлена к 130-летию писателя-символиста В.Я. Ерошенко и 85-летию созданной им школы для слепых детей в Туркменской ССР. В ней впервые сведены воедино и максимально полно опубликованы три комплекса документальных материалов: 1) копии выписок и приказов Наркомпроса ТССР; 2) воспоминания воспитанников детдома М. Амансахатова, В.О. Бродо, П. Малолетенко, В. Малолетенко, Н. Момыева, Б. Ниязменглиева, З. Токаевой, воспитательницы Р. Киселевой и учительницы З. Шаминой; 3) статьи в туркменской республиканской печати и московском журнале «Жизнь слепых» за 1935–1938 гг., посвященные работе детдома для слепых в Туркмении, и статьи 1973–1974 гг., содержащие воспоминания его работников и воспитанников. На основании документов эпохи впервые наиболее полно раскрыта роль В.Я. Ерошенко как незрячего наставника незрячих детей. На наш взгляд, в 1930–1940-х гг. Ерошенко выстраивал детский дом с 5-классной начальной школой и ремесленными мастерскими по примеру начальных протестантских миссионерских туземных школ для слепых в Британской Бирме, где он преподавал в 1917–1918 гг. Это и явилось причиной конфликтов В.Я. Ерошенко с создаваемой Наркомпросом ТССР новой советской системой детдомов и государственными кадровыми решениями.

Ключевые слова: В.Я. Ерошенко, М. Амансахатов, В. Бродо, П. Малолетенко, В. Малолетенко, Н. Момыев, Б. Ниязменглиев, З. Токаева, Р. Киселева, З. Шамина, детдом для слепых детей, воспоминания, образование слепых, Кушка, Туркменская ССР, приказы Наркомпроса ТССР.

Статтю підготовлено до 130-річчя письменника-символіста В.Я. Єрошенка та 85-річчя створеної ним школи для сліпих дітей у Туркменській РСР. У ній вперше зведено докупи й максимально повно опубліковано три комплекси документальних матеріалів: 1) копії витягів з розпоряджень та наказів Наркомпросу ТРСР; 2) спогади виховательки Р.О. Кисельової, вчительки З.І. Шаміної та вихованців дитбудинку М. Амансахатова, В.О. Бродо, П.С. Малолетенко, В.С. Малолетенко, Н. Момієва, Б. Ніязменглієва, З.О. Токаєвої; 3) статті у туркменській республіканській пресі та московському журналі «Жизнь слепых» за 1935–1938 рр., присвячені роботі дитбудинку для сліпих у Туркменії, а також статті 1973–1974 рр., які містять спогади його працівників та вихованців. На підставі документів доби вперше розкрито роль В.Я. Єрошенка як незрячого наставника незрячих дітей. На наш погляд, він будував дитбудинки для сліпих з 5-класною початковою школою, який існував у 1930–1940-х рр., за прикладом початкових протестантських місіонерських туземних шкіл для сліпих у Британській Бірмі, де він викладав у 1917–1918 рр. Це й спричинилося конфлікти В.Я. Єрошенка зі створюваною Наркомпросом ТРСР новою радянською системою дитбудинків та державними кадровими рішеннями.

Ключові слова: В.Я. Єрошенко, М. Амансахатов, В. Бродо, П. Малолетенко, В. Малолетенко, Н. Момієв, Б. Ніязменглієв, З. Токаєва, Р. Кисельова, З. Шаміна, дитбудинки для сліпих дітей, спогади, освіта сліпих, Кушка, Туркменська РСР, накази Наркомпросу ТРСР.

О годах работы В.Я. Ерошенко в Туркменской ССР (1934–1945) еще никогда не писали на основании строго документальных источников. Так сложилось, что после распада СССР, то есть именно в тот период, когда стало возможным в

полный голос говорить о Ерошенко, Туркмения стала закрытым государством. Работа исследователей, особенно иностранных, в архивах этой страны до сих пор практически невозможна, а связь – крайне затруднена.

Когда мы говорим о том, что в эти десять лет В.Я. Ерошенко создал и возглавлял Республиканский детский дом для слепых детей № 1, наши представления первой трети XXI в. уже сильно отличаются от реальности первой трети XX в.

Чуть меньше 11 лет – с ноября 1934 г. по сентябрь 1945 г. по материалам пенсионного дела, а по приказам и распоряжениям Наркомата просвещения ТССР – с января 1935 г. В.Я. Ерошенко провел в Туркмении. Это самый долгий срок его работы на одном месте – директором и учителем Кушкинского республиканского детского дома для слепых детей № 1. Уже само время его работы говорит о том, насколько воспитание и обучение незрячих детей, многие из которых были сиротами, было важно для самого Ерошенко. И, по всей видимости, преподавание и обучение незрячих – это то, от чего он просто не мог отказаться. И Бог, и люди дали ему эту уникальную возможность. Когда Ерошенко приехал в Туркменскую ССР, ему было чуть меньше 45 лет, уезжал он почти пенсионером спустя десятилетие, везде продолжая искать квалифицированную работу преподавателя в системе специального образования – для других незрячих. Ему оставалось прожить около 7 лет, до декабря 1952 г.

В 1948 г. Ерошенко участвовал в республиканском съезде слепых Узбекистана, побывал в Ашхабаде и в детдоме для слепых. Он возвращался в Семенник (Мургаб) в 1948 г. за оставленными в школе рукописями и книгами, но все было утрачено.

В 1945–1946 гг. Ерошенко преподавал систему Брайля, русский язык и литературу в Загорской музыкальной школе-интернате для военноослепших. Он проработал здесь недолго, а сама школа просуществовала до 1951 г. Свою московскую квартиру Ерошенко в 1934 г. уступил незрячим молодоженам, которые в 1940 г. ее обменяли. Вернувшись в Москву, Ерошенко оказался без жилья.

С 1 октября 1946 по 16 июня 1948 г. Василий Яковлевич работал преподавателем английского языка в Московском институте слепых детей. До Ерошенко, когда школа находилась в эвакуации, было начато преподавание немецкого языка, но учительницу вскоре уволили, и был введен английский. Его и начал преподавать Ерошенко. Учебников и опыта такого преподавания тогда еще не было. Насколько можно судить, Ерошенко обучал школьников разговорной английской речи, которой хорошо владел сам. В 1948 г. Московский институт слепых был преобразован в полную среднюю школу, был назначен новый директор, утверждены новые государственные программы и требования к штату. Ерошенко, у которого не было никакого специального или высшего образования и который в школе «не прижился», пришлось уйти. Известно, что и здесь на Ерошенко писали жалобы и доносы.

Только в феврале 1949 г. Василий Яковлевич получил временную, на шесть месяцев, прописку в Москве. Уже в апреле он уехал из Москвы в Обуховку, а с 12 декабря 1949 по июль 1951 г. преподавал в вечерней школе ликвидации безграмотности слепых при Ташкентском областном отделе Узбекского общества слепых. В справках не указано, что именно он преподавал, но известно о русском языке, литературе и английском языке. Сведений о последних годах жизни Василия Ерошенко почти нет. После Ташкента в июле 1951 г. он еще съездил на десять дней в Якутию, пытаясь устроиться учителем английского языка в восьмилетнюю школу слепых в с. Долды Мезингалчалатского района Якутской АССР, но без документов об образовании его и там не приняли, хотя в учителя очень нуждались. В Якутии Ерошенко интересовала колония для прокаженных, основанная в конце XIX в. в местности Сосновка под городом Вилюйском британской медсестрой Кэт Марсден. Эта колония просуществовала до 1960-х гг. Похоже, что Василий Яковлевич хотел там работать.

Новый 1952 г. Ерошенко встретил в Москве, уже зная о своей болезни – раке желудка. В последние годы жизни Ерошенко хлопотал о назначении ему пенсии по инвалидности по имеющемуся трудовому стажу, но ему отказали во многих организациях и окончательно – в Президиуме Верховного Совета СССР на том основании, что он слепой с детства, а не ослеп во время работы по найму. Такой закон в СССР действовал до 1 октября 1956 г. После этого Ерошенко хлопотал о введении государственной пенсии слепым с детства, писал в газеты, желая, чтобы этот вопрос принял общественный характер. Назначенной ему пенсии по старости в размере 150 руб. Ерошенко не хватало на жизнь, он все еще собирался устроиться на работу.

Первый Республиканский детский дом для слепых детей под г. Кушкой – это небольшой дом в фисташковом совхозе «Пограничник» (сейчас – Серхетчи) на самой южной границе бывшей Российской империи, а затем и Советского Союза с Афганистаном, в семи километрах от крепости Кушка (ныне – Серхетабад). Часто расположение детдома связывают с поселком украинских переселенцев Моргуновка (совр. Серхетли), который фактически сливается с «Пограничником»¹.

Специалистов по воспитанию и обучению слепых в ТССР тогда вообще не было, поэтому из Москвы был приглашен В.Я. Ерошенко, который затем сам сформировал преподавательский состав школы из своих незрячих московских друзей. Известно, что объявление о поиске учителя музыки для детдома Ерошенко давал в журнале для незрячих эсперантистов «*Esperanta Ligilo*»². В Кушку тогда приехали супруги Мария Игнатьевна и Антон Александрович Ивановы и Зинаида Ивановна (10.11.1905–23.04.1984) и Александр Иванович Шамины³. Зинаида Шамина проработала здесь год (1937–1938), и вернулась в Москву, чтобы продолжить работу над знаменитым пособием «Нотная система Брайля» (1939), переизданном как «Запись нот по системе Брайля» [1; 2], а ее муж оставался в Кушке два учебных года, до мая 1939 г. Также Ерошенко пригласил учительницей рукоделия (инструктором по труду) незрячую женщину из соседнего с Обуховкой села Городище – Анну Дмитриевну Рощупкину (Росщупкину). Таким образом, например, в 1937/38 учебном году коллектив детского дома состоял из пяти-шести незрячих учителей и нескольких зрячих помощников – воспитательницы, поварихи, завхоза, кастелянши и учетчицы. Затем уехала Зинаида Шамина, в мае 1939 г. – Александр Шамин, а в 1942 г. умер Антон Иванов.

Поваром работала Прасковья Митрофановна Киселева, воспитателем была ее совсем юная дочь Раиса Киселева. Почти два года, с ноября 1938 до сентября 1940 г., помогала В.Я. Ерошенко его сестра Нина Андриевская – бухгалтер.

К счастью, в сентябре 1987 г., уже в разгар перестройки, усилиями Николая Федоровича Осипенко – с 1972 по 1996 гг. учителя математики и физики школы для слепых и слабовидящих детей в Ашхабаде, полностью незрячего, в школе был создан клуб «Поиск» из числа учеников, которые изучали и эсперанто. Во многом В.Я. Ерошенко был для них ярчайшим мотивирующим примером. Н.Ф. Осипенко вспоминал, что учительница Валентина Ягшиева, вдова одного из учеников Ерошенко, еще в 1984 г. на педсовете предлагала присвоить имя Ерошенко школе слепых в Ашхабаде. Тогда директриса школы ей отказала, заметив, что лучше пусть это будет какой-то зрячий туркменский деятель, тогда школа будет иметь свою выгоду [3].

Но уже через несколько лет, с приходом нового директора и следуя велениям времени, когда 100-летию В.Я. Ерошенко всколыхнуло весь Советский Союз, незрячий учитель-эсперантист и незрячие и слабовидящие дети успели разыскать учеников В.Я. Ерошенко по Республиканскому детдому для слепых № 1 под Кушкой, пятеро из которых тогда еще жили в Туркмении.

Участники клуба «Поиск» собрали и записали ряд воспоминаний. Большим плюсом этой поисковой работы было то, что именно незрячие школьники общались со взрослыми, уже пожилыми незрячими учениками В.Я. Ерошенко, что немало способствовало установлению доверия и открытости респондентов. Тексты этих воспоминаний имеют свои особенности – они существовали или в виде текстов по Брайлю для незрячих, или в обычном плоскочечатном варианте, и все время стоял вопрос расшифровки и переписывания текстов в зависимости от того, как и кем они были записаны и для каких (зрячих или незрячих) читателей предназначены в каждом случае.

Как и любые другие воспоминания, они требуют верификации и уточнения в историческом контексте и на фоне других документов эпохи, некоторые содержат неточности, которые будут оговорены в этой публикации. Однако задача этой статьи – публикация источников. Их оригиналом, скорее всего, может считаться брайлевский текст, но в настоящее время эти тексты утрачены. Воспоминания из фондов Старооскольского краеведческого музея представляют собой чистовые рукописные записи, сделанные специально для музея членами клуба «Поиск», а также письмо, написанное кем-то под диктовку незрячего В.О. Бродо. Эти записи были набраны мною в 2018 г. по предоставленным музеем оригиналам.

¹ Этот дом сохранился до наших дней как жилой.

² Журнал основан в 1904 г. и существует до сих пор.

³ В начале 1930-х гг. А.И. Шамин был директором библиотеки для слепых в Москве. Жена его брата Геннадия в 1934–1935 гг. участвовала в создании Узбекского общества слепых в Ташкенте.

В те же годы – с 1983 до 1990 гг. – в Обуховке Старооскольского района Белгородской области власти по настоятельному требованию энтузиастов-ерошенковедов со всего Союза создавали Дом-музей В.Я. Ерошенко к столетию писателя-эсперантиста. Дом-музей В.Я. Ерошенко был открыт 12 января 1990 г. по решению исполкома Старооскольского городского Совета народных депутатов от 28.10.1986 г. «О подготовке и проведении празднования 100-летия В.Я. Ерошенко». В Ашхабаде в те годы активно работал журналист и писатель Альберт Поляковский, который собирал материалы о Ерошенко и писал художественное произведение о годах, проведенных Ерошенко в Туркмении – повесть «Слепой пилигрим». А.С. Поляковский тесно сотрудничал и со школьниками, и с исследователями-энтузиастами по всему СССР, и со Старооскольским краеведческим музеем. Поэтому воспоминания туркменских учеников В.Я. Ерошенко были переданы в 1990-е гг. нескольким людям и организациям, что и позволило, в конце концов, их разыскать.

Вдохновителем Н.Ф. Осипенко на создание клуба «Поиск» в Ашхабаде и изучение незрячими и слабовидящими детьми языка эсперанто, по примеру В.Я. Ерошенко, по сути, был крупнейший советский исследователь-ерошенковед, эсперантист, тогда учитель математики Кисловодской школы-интерната для слепых детей Анатолий Иванович Масенко, тоже незрячий. Поэтому четыре текста воспоминаний, расшифрованных им с Брайля, сохранились у него в электронном виде. Это воспоминания воспитательницы Раисы Киселевой и учеников Петра и Валентины Малолетенко и Мусы Амансахатова (письмо 1960–1961 гг. для Д.А. Алова). Анатолий Иванович передал их мне еще в середине 2000-х гг.

Клуб «Поиск», собиравший материалы для школьного музея, посвященного В.Я. Ерошенко, имя которого с 1990 г. носила школа для слепых и слабовидящих детей в Ашхабаде, прекратил свое существование вскоре после 1996 г., когда Н.Ф. Осипенко вынужден был уехать из Туркменистана в Россию. Примерно в те же годы в Россию вместе с семьей вынужден был уехать и А.С. Поляковский. В 2010 г. Международной лигой незрячих эсперантистов (LIBE) и Российской ассоциацией незрячих эсперантистов (REAN) был проведен конкурс эссе к 120-летию В.Я. Ерошенко, в котором второе-третье место занял Н.Ф. Осипенко с работой «Исследовательская работа о В.Я. Ерошенко в Ашхабаде» [3]. Я входила в состав международного жури конкурса, представляя Международную научно-исследовательскую группу «Василий Ерошенко и его время», и, благодаря этой инициативе А.И. Масенко, которая стала откликом на мои многочисленные просьбы, период работы школьного музея В.Я. Ерошенко и клуба «Поиск» в Ашхабаде оказался подробно описан самим его инициатором и представлен международному сообществу незрячих эсперантистов.

В 1999 г. А.С. Поляковский внезапно умер во время операции на сердце, и его повесть «Слепой пилигрим» готовили к печати в московском журнале для слепых и слабовидящих детей «Школьный вестник» уже после его смерти (редактор текста Ольга Клековкина). Повесть была опубликована в журнальном варианте в 2000–2002 гг. [4], отдельным изданием укрупненного шрифта в двух томах – в 2012 г. в Москве [5]. К сожалению, художественный текст повести содержит ряд неточностей в именах учеников (напр., Виктор Дробов вместо Виктор Бродо, Анна Росщупкина названа Антониной и т. д.), в цитатах из классических текстов, а также значительную долю авторского домысла или вымысла. То же самое можно сказать и о других «художественно-документальных» текстах о В.Я. Ерошенко Н.Н. Андриановой-Гордиенко, А.С. Харьковского и других.

Этот художественный компонент, вымысел и догадки невозможно отделить от реальных фактов до тех пор, пока не будет представлена строго документальная основа деятельности Республиканского детского дома для слепых № 1 при Наркомпросе Туркменской ССР и работы в нем В.Я. Ерошенко, а также те документы, которые легли основу повестей о писателе и тифлопедагоге.

Часть личного архива А.С. Поляковского в последние годы усилиями директора Инны Климовой была найдена, получена от его родных и передана в фонды Белгородского литературного музея, всегда открытого для исследователей и ведущего научную и поисковую работу на очень высоком уровне.

Ряд текстов воспоминаний, а также списки учеников Республиканского детского дома для слепых были переданы в 1987–1989 гг. детьми-поисковиками в Обуховку, в создаваемый Дом-музей В.Я. Ерошенко, с которым клуб «Поиск» вел переписку. Сотрудники музея И.Л. Пискаль и С.И. Абдуллина показывали их нам с кандидатом филологических наук С.М. Прохоровым еще в 2006 г. во время нашего первого приезда в Обуховку.

К сожалению, документы и материалы фонда В.Я. Ерошенко в этом музее не проработаны до сих пор ни самими его сотрудниками, ни внешними исследователями. Лишь несколько месяцев назад, при личном участии и огромном содействии и помощи директора Старооскольского краеведческого музея Светланы Мищериной мне удалось, наконец, официально получить тексты воспоминаний туркменских учеников В.Я. Ерошенко: Мусы Амансахатова (СОКМ НВ № 3324), Зои Токаевой (СОКМ КП № 14645), Нурума Момыева (СОКМ КП № 14644), Байназара Ниязменглиева (СОКМ КП № 14643), Вацлава Бродо (СОКМ КП № 14650) и их музейные шифры, что означает официальное разрешение музея-держателя документов на работу исследователей Международной научно-исследовательской группы «Василий Ерошенко и его время» с этим массивом документов. Воспоминания Мусы Амансахатова были получены как из собрания А.И. Масенко, так и из Старооскольского краеведческого музея.

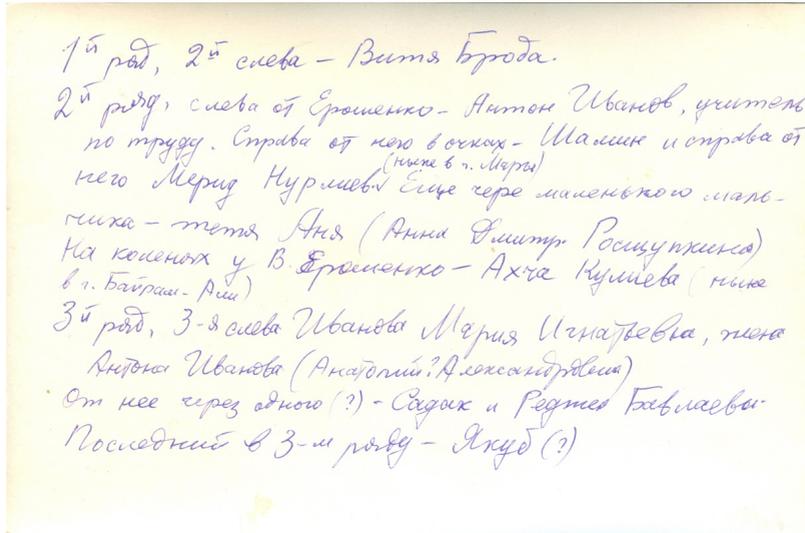
Кроме того, музей располагает как минимум двумя фото В.Я. Ерошенко и коллектива детдома и выкадрированными из них увеличенными портретами Ерошенко туркменского периода. Эти фото разыскал и реставрировал около 1970 г. Александр Панков из Кисловодска, который затем разослал сделанные им фотокопии всем заинтересованным людям и музеям. Одна из этих уникальных фотографий была сильно повреждена, с многочисленными надрывами в левой от зрителя части фото, и фотограф выполнил пересъемку и ретушь возможными в 1970-х гг. средствами.

Для этой публикации я использую подаренные А.И. Масенко три фотокопии из моей коллекции, происходящие из личного архива А.А. Панкова, две из которых подписаны им самим⁴.

Учителя и ученики Республиканского детского дома для слепых детей № 1 при Наркомпросе Туркменской ССР. Восстановленное Александром Панковым фото
Первый ряд второй слева – Витя Бродо. Второй ряд: слева от В.Я. Ерошенко – Антон Иванов, учитель по труду. Справа от него в очках – Александр Шамин и справа от него – Меред Нурлиев. Еще через маленького мальчика – тетя Аня (Анна Дмитриевна Роцупкина). На коленях у В.Я. Ерошенко – Акча Кулиева. Третий ряд – третья слева Иванова Мария Игнатьевна, жена Антона Иванова, от нее через одного (?) Садык и Реджеп Бавлаевы. Последний в третьем ряду – Якуб (?). На фото присутствует Александр Шамин, значит, сделано оно до мая 1939 г.

⁴ К сожалению, как Дом-музей Ерошенко, так и Старооскольский краеведческий музей достаточно редко публикуют хранимые им фотографии с полными атрибуциями изображений и не указывают источники их поступления, инскрипты и автографы на обороте даже в Госкаталоге РФ. Это свидетельствует либо о незнании, либо о нежелании сообщать информацию. К счастью, частные и музейные собрания в значительной мере дублируют друг друга, а источники фото становятся понятны, если знать исторический контекст и аналоги музейных предметов. Однако такая позиция музея, кажется, сознательная, немало затрудняет работу не только исследователей, но и самих сотрудников. Следующие их поколения уже не знают истории изготовления и передачи изображений, а также их распространения среди ерошенковедов в 1970–1990-х гг. Кроме того, почти утрачен навык чтения рукописных помет и распознавания автографов, в частности на оборотах фото. Почти все атрибуции фото, относящиеся к В.Я. Ерошенко, его семье и окружению, в Госкаталоге РФ, сделанные в Старооскольском краеведческом, Белгородском историко-краеведческом и других музеях, требуют сведения всех данных воедино и существеннейших уточнений, что возможно сделать в отдельном исследовании.

Подпись к фото, автограф А.А. Панкова, ок. 1970 г.

Еще одни копии воспоминаний пяти учеников В.Я. Ерощенко (рельефным шрифтом Брайля) были переданы Николаем Федоровичем Осипенко Анне Ивановне Сизовой в Музей первой московской школы для слепых, которую окончил и в которой преподавал английский язык в 1946–1948 гг. (тогда – Московский институт слепых) В.Я. Ерощенко. Сейчас это Музей истории отечественной тифлопедагогики. Анна Сизова, директор этой школы с 1976 по 1984 г., а затем – создатель и бессменный руководитель школьного музея, в конце 1980-х гг. добивалась присвоения школе имени В.Я. Ерощенко к его столетию (1990). Проект такого решения накануне юбилея был направлен властям г. Москвы, в изданиях Музея отечественной тифлопедагогики школу даже уже называли именем В.Я. Ерощенко [6; 7], но недолгое время. Не было реализовано также и намерение открыть мемориальную доску В.Я. Ерощенко на сохранившемся дореволюционном здании школы, где он учился (ул. Гиляровского, 6, до революции – Вторая Мещанская улица). Эта школа для слепых за последние 25 лет неоднократно меняла свое название и подчинение. Сейчас она называется «Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы “Школа-интернат № 1 для обучения и реабилитации слепых” Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы».

С 2003–2004 гг. я ежегодно по несколько раз в год работала с материалами этого музея и держала в руках брайлевские рукописные воспоминания учеников В.Я. Ерощенко примерно в 2005 г. Тогда я еще не читала Брайль, руководитель музея, как это ни удивительно при ее опыте работы в школе для слепых, тоже была человеком, не знающим Брайля, поэтому мы просто перебрали их и отложили в сторону. К счастью, я сделала себе выписку о том, что представляли собой эти документы: «От Осипенко Н.Ф. Воспоминания учеников Ерощенко, г. Кушка. 1. Ученика В.Я. Ерощенко Байназара Ниязменглиева, 14 листов. 2. Ученицы В.Я. Ерощенко Киселевой Р.А., по мужу Кемаловой, 8 листов. 3. Ученика В.Я. Ерощенко Броды (Бродо) В.О. 12 листов. 4. Ученицы В.Я. Ерощенко Токаевой З.А. 8 листов, заполнено 6 из них. 5. Ученика В.Я. Ерощенко Момыева Нурума 6 листов, заполнено 5 из них».

Нужно иметь в виду, что все школы для слепых и слабовидящих детей исторически были закрытыми от внешнего мира учреждениями, независимо от того, где и в какой стране мира они находятся. Остатки или пережитки этой закрытости существуют и до сих пор. Несмотря на то, что все музеи истории тифлопедагогики или тифлотехники являются уникальными, они сильно подвержены риску утраты фондов и ликвидации с уходом их основателя или изменением в руководстве или подчинении школы. Поэтому и эти музеи, и их материалы особо уязвимы и должны обращать на себя самое пристальное внимание исследователей.

Чуть увеличенная фотокопия с утратой людей по левому краю

На следующий год, уже изучив Брайль, я хотела вернуться к этим рукописям, но и тогда, и все последующие годы, пока там работала Анна Ивановна, мы не могли их найти. Затем А.И. Сизова окончательно ушла на пенсию, музей пережил большой многолетний ремонт, и все мои попытки разыскать эти материалы были безуспешны⁵.

В 1970–1990-х гг. материалы о В.Я. Ерошенко собирали отдельные люди и ряд государственных музеев. Назову музеи, на основе фондовых собраний которых можно пытаться восстанавливать биографию и жизненный путь В.Я. Ерошенко: Старооскольский краеведческий музей (и с 1990 г. – его филиал Дом-музей В.Я. Ерошенко), Белгородский историко-краеведческий музей, Музей истории ВОС им. Б. Зимина в Москве, Народный музей истории Ленинградской областной организации ВОС (г. Ленинград – Петербург), Музей истории отечественной тифлопедагогики в Москве (музей Первой московской школы для слепых), музей в школе для слепых и слабовидящих детей в Ашхабаде, ТССР, Музей г. Мары ТССР (сейчас – Мерв, Туркмения). В музее г. Мары хранились два письма, написанные В.Я. Ерошенко его ученику Мереду Нурлиеву.

До распада СССР фонды музеев, как и личные собрания ерошенковедов, в значительной мере дублировали друг друга. Насколько можно судить, материалы музеев Туркмении либо не сохранились, либо недоступны для исследователей. Во все музеи Белгородской области, хотя бы отчасти занимавшиеся творчеством «знаменитого земляка» В.Я. Ерошенко, в 1990 г., когда на открытие музея в Обуховке и на Всесоюзную конференцию эсперантистов в Белгороде в августе приезжали представители Туркменской ССР, в том числе и Н.Ф. Осипенко, были переданы копии выписок из распоряжений и приказов Наркомата просвещения ТССР о назначении В.Я. Ерошенко заведующим курсами слепых, о ликвидации детской беспризорности, о назначении В.Я. Ерошенко директором Республиканского детского дома слепых в Кушке и др., происходящие из архива Министерства образования ТССР.

Для публикации я использовала копии выписок из распоряжений и приказов Наркомпроса ТССР из фондов и постоянной экспозиции Белгородского государственного историко-краеведческого музея (БГИКМ НВ № 20949-20959, 11 ед. хр.). Насколько можно судить, полностью эти документы публикуются впервые. По понятным причинам они не вызывают большого интереса в Белгородской области, отнесены музеем в научно-вспомогательный фонд и, вероятно, поэтому до сих пор не введены в научный оборот и не привлекали внимания исследователей. Находясь вне Туркменистана (полагаю, что и для исследователя внутри этой страны – тоже) свести воедино разрозненные фрагменты информации о работе Ерошенко в детдоме для слепых еще недавно было невозможно.

⁵ Директора и создателя Музея отечественной тифлопедагогики РФ, заслуженного учителя школы РФ Анны Ивановны Сизовой (08.08.1925–17.08.2019) недавно не стало на 95-м году жизни.

Фотокопия разорванного фото до реставрации

Общество слепых и глухонемых Туркменской ССР (сейчас – Общество слепых и глухих Туркмении) было создано в 1932 г. Первого апреля 1935 г. был издан приказ Наркомпроса ТССР № 65 о назначении В.Я. Ерошенко заведующим Республиканским детдомом слепых при Наркомпросе ТССР. Сообщение о создании школы для слепых уже 8 мая 1935 г. появляется на страницах центральной республиканской газеты «Туркменская искра» [8, с. 4].

Светлана Антоновна Костик, дочь преподавателя труда этой школы – Антона Иванова, утверждает, что родители переехали в пос. Моргуновка уже в 1933 г., и преподавательский состав школы был сформирован уже тогда. Скорее всего, она ошибается и речь все-таки идет о 1934 г., но ясно, что активная работа по созданию школы велась до ее официального открытия и объявления о нем в печати. Даты открытия школы в разных источниках разнятся от апреля до октября или декабря 1935 г. Первых учеников весной 1935 г. было всего четверо, а в первом наборе – от 8 до 11 человек. Общее количество учеников школы за период 1935–1945 гг. назвать сложно. В письме Зинаиде Шаминой от 15 августа 1948 г. В.Я. Ерошенко писал, рассказывая о своей поездке на съезд слепых Узбекистана в Ташкенте и в Туркмению, что 11 его учеников работают на комбинате (в Байрам-Али), еще четверо спекулируют на базаре, а шестеро живут в Ашхабаде, итого – 21 человек⁶.

В 1989 г. члены клуба «Поиск» называли 27 человек, оговаривая, что еще недавно исследователям было известно всего 13 имен:

1. Момыев (Моммиев) Нуры Момыевич⁷
2. Филиппова (в замужестве – Момыева) Валентина
3. Ягшиев Ата
4. Петкулаев Дурды Петкулаевич⁸
5. **Бродо (Брода) Виктор (Вацлав) Осипович**
6. Корнеев Александр
7. **Ниязменглиев Байназар Ниязменглиевич**
8. Константинова (в замужестве – Ниязменглиева) Лидия
9. **Малолетенко Петр Сергеевич**

⁶ Письмо на эсперанто из собрания А.И. Масенко.

⁷ Курсивом выделены имена людей, чьи воспоминания о школе сохранились и приводятся ниже.

⁸ Нетрудно заметить, что, строго говоря, у туркмен нет отчества в привычном нам понимании. От имени отца образуется фамилия, а отчество, созданное морфологически по нормам русского языка, является избыточным.

10. ? (в замужестве – Малолетенко) Валентина Сидоровна

11. Нурлиев Мерעד

12. Бердыев Саид

13. Амансахатов Муса

14. Ларионов Роман

15. Кулиева Акджагуль (Акча)

16. Зубенко Павел

17. Хамидов Якуб

18. Туминов Али

19. Токаева Зоя Александровна

20. Гуядов Мерעד

21. Белюк Евгений Васильевич

22. Мамедова Шарипа

23. Джамонов Байрам Джамонович

24. Баблаев Реджеп

25. Баблаева Садап (по непроверенным данным, она же Громова Тамара)

26. Джамалова Анна

27. Новиков Андрей

Сотрудники детдома: **Шамина Зинаида Ивановна**, учительница начальных классов и музыки, работала в 1937–1938 гг., незрячая эсперантистка, подруга В.Я. Ерошенко; ее муж Шамин Александр Иванович – учитель музыки, работал в 1937–1939 гг., незрячий; Иванов Антон Александрович, учитель труда, незрячий, умер в 1942 г.; Рощупкина (Росщупкина, Расщупкина) Анна Дмитриевна – учительница рукоделия, незрячая, **Киселева Раиса Александровна**, работала в 1939–1945 гг., сначала поваром, потом воспитателем.

По документам клуба «Поиск», после В.Я. Ерошенко директорами детдома недолгое время были Ольга Овчинникова, незрячий историк Анатолий Федорович Соловьев из Ленинграда, некто Ходжаев и др.

В 2018 г. Анатолий Масенко по моей просьбе прислал мне список воспитанников детдома слепых детей, составленный Н.Ф. Осипенко: «Бывшие ученики В.Я. Ерошенко: Пётр Малолетенко и его жена Валентина Малолетенко (её девичья фамилия неизвестна), Байназар Ниязменглиев, Нурум Момыев и его жена Филиппова Валентина, Ата Ягшиев, Мерעד Нурлиев, Муса Амансахатов, Евгений Белюк, Виктор (Вацлав) Бродо, Павел Зубков, Дурды Петкулаев, Зоя Токаева, Акча Кулиева, Ага (фамилию никто не смог вспомнить)»⁹. Этот список соответствует списку, переданному клубом «Поиск» в Обуховку накануне открытия музея, но в нем упомянут еще и Ага, фамилия которого утрачена. Воспоминания учеников и учителей содержат упоминания еще нескольких человек, имен которых нет в общем списке, переданном в музей.

Вероятно, всего в этой школе училось около 30 человек, а одновременно в годы ее наибольшего развития – около 20–22 детей. Рассчитаны детдом и школа были на 40 учеников. Школа была начальная пятиклассная с подготовительным классом, дающая также ремесленное образование (ученики вили веревки, плели варежки, осваивали щеточное дело). Если верить Г.И. Соловьевой, ее муж А.Ф. Соловьев взялся было создавать семиклассную школу, но они слишком быстро выехали назад в Ленинград прямо посреди учебного года, в октябре, не оставив себе замены [9, с. 43]¹⁰. Г.И. Соловьева уже в очень почтенном возрасте писала: «Но нас очень беспокоило – кто будет учить детей начальной школы. Нами было предложено облгорно найти и вернуть В.Я. Ерошенко. Обещали, но какова судьба школы, судьба В.Я. Ерошенко, как в дальнейшем сложилась их жизнь, нам неизвестно» [9, с. 43]¹¹.

⁹ Этот список неполный. Зою Токаеву Н.Ф. Осипенко ошибочно назвал «Зиной», очевидно, пытаясь раскрыть инициал и спутав ее с З.И. Шаминой. Здесь важно знание информатором туркменских национальных имен и тот факт, что люди, оставившие воспоминания, запоминаются лучше других.

¹⁰ В книге Галины Ивановны Соловьевой «Зрение незрячих – знания, ум и воля» ошибочно ее инициалы везде указаны как «А.И.».

¹¹ Отмечу, что В.Я. Ерошенко в 1948 г. был в Туркмении, знал о судьбах своих учеников, принимал участие в их судьбах, устраивал на работу на УПП девушку Садап и до самых последних своих дней переписывался с Мередом Нурлиевым и Нурумом Момыевым.

Во время работы в Туркменской ССР Ерошенко приезжал в Москву для заказа учебников, напечатанных по Брайлю¹², не раз проводил свой отпуск в родной Обуховке, а в июле 1938 г. принял участие и занял третье место в первом Всесоюзном шахматном турнире слепых в Ленинграде [10; 11]. На турнир, судя по фотографии из семейного архива, его сопровождала сестра Пелагея Яковлевна Ерошенко (Поля). Начало войны застало Ерошенко в Обуховке, в школу он вернулся только в октябре и, по воспоминаниям В.О. Бродо, по дороге попадал под бомбежку [12, с. 90]. По одной из версий, в Ашхабаде в 1942 г. при реквизиции лошадей у населения для военных нужд пропал без вести (погиб) старший брат Василия Яковлевича – Александр Ерошенко (1888–1942).

По другой, современной версии, которую я знаю от его внука Александра Джани, Александр Ерошенко якобы «умер от сердечного приступа» в лагере, что в те времена означало расстрел. Сейчас, к сожалению, нет никакой возможности подтвердить документально какую-то одну из этих версий. По воспоминаниям С.А. Костик (со слов ее матери) Александр Ерошенко приезжал к Василию в детдом, они встречались, вероятно, зимой 1941–1942 гг. в доме Ивановых.

Не все было гладко, поселковые зрячие дети жестоко дразнили незрячих чужаков, настороженно относились взрослые, часто обманывая и воруя средства и продукты, да и сами ученики порой, особенно поначалу, откровенно издевались над В.Я. Ерошенко. Старшие дети спекулировали на базарах, а кое-кто занимался и приграничной контрабандой наркотиков. За границу забредали не только ишак и корова, но и сам Ерошенко, о чем его не раз предупреждали пограничники на заставе¹³. Однако Василию Яковлевичу удалось поддерживать существование детдома, скорее даже, единственного в стране приюта для детей со множественными нарушениями, сохранить жизнь и здоровье незрячих детей и уберечь их от неизбежной гибели даже в тяжелых военных условиях. Часть из этих детей были детьми репрессированных родителей, поэтому факты смены имен при приеме в детдом были исторически обусловлены и даже необходимы (поэтому, видимо, Вацлава Осиповича Бродо часто называют Виктором). В этом смысле показательна также история Зои Токаевой¹⁴.

**Василий Яковлевич Ерошенко
в 1938–1939 гг. Увеличенный фрагмент
группового фото.**

¹² До отъезда в ТССР Ерошенко с 10.09.1932 г. работал корректором брайлевского шрифта в 19-й типографии ОГИЗ в Москве, выпускавшей рельефно-точечные книги и периодические издания для незрячих. Видимо, это и помогло ему еще до войны по спецзаказу изготовить учебники на туркменском языке для начальной школы.

¹³ Александр Панков в своей повести «По следам Василия Ерошенко» отмечал: «По некоторым сведениям, он начинает знакомиться с языком пушту, на котором говорят в соседнем Афганистане. Э. Галвин утверждал, что Василию Яковлевичу захотелось «посмотреть», как живут афганцы, и он решил во время каникул перебраться через границу. Пограничники его заметили, задержали, допросили и сказали, что вдоль границы «шляться» не разрешается. Через несколько дней Ерошенко предпринял вторую попытку. Наткнулся на тех же пограничников. Его узнали и более строго сказали: «Бросьте вашу выдумку. Вы нас не видите, а мы вас всегда заметим» [12, с. 91].

¹⁴ Она была туркменкой, дочерью арестованного туркмена по имени Тока, которую разлучили с семьей и записали в детдоме под русскими именем и фамилией. До поступления в детдом слепых она потеряла обоих родителей. По А.С. Поляковскому, ее настоящее имя Амансолтан. Фамилия Токаева образована от имени ее отца. Эта фамилия была заново восстановлена по воспоминаниям девочки. Имя Зоя она сохранила. Зоя Токаева жила в г. Кролевец Сумской области.

На групповом фото нет Зинаиды Шаминой, работавшей в 1937/38 учебном году, но есть ее муж Александр, который работал в детдоме до мая 1939 г. Антон Иванов еще жив, что и позволяет датировать фото 1938–1939 г. до отъезда А.И. Шамина.

В своих воспоминаниях о В.Я. Ерошенко, написанных на эсперанто, З.И. Шамина признавалась, что в годы репрессий эсперантистов переживала, как бы Василий Яковлевич не пострадал, как другие эсперантисты, только из-за связи с границей. Однако Ерошенко, можно сказать, повезло: он работал на афганской границе и получал специальное разрешение НКВД для въезда в Кушку. Его всего лишь сняли с должности директора детдома, разрешив работать там же учителем до самого конца войны. После В.Я. Ерошенко директорами школы были самые разные люди, часто случайные: О.О. Полякова¹⁵, затем незрячий А.Ф. Соловьев и др.

Уже сейчас можно сделать вывод о том, насколько важна была для самого Ерошенко как для незрячего наставника именно работа создателя и руководителя школы для слепых. В своей работе В.Я. Ерошенко следовал не раз высказанным им принципам: незрячие должны самостоятельно работать на земле, выращивать сельскохозяйственные культуры и разводить животных, сами заниматься физическим трудом и при помощи зрячих людей – ремеслом, причем так, чтобы у них была возможность содержать себя и свою общину или достаточно замкнутое сообщество [13, р. 299–305; 14, р. 339–342]¹⁶. Сын крестьянина, В.Я. Ерошенко говорил об этом в Бирме в 1917 г., повторял те же идеи Лу Синю в 1922–23 гг. в Пекине, воплощал в советской Кушке.

По сути, В.Я. Ерошенко очень поздно, уже в середине 1930-х – середине 1940-х гг. воспроизвел на далекой, самой южной окраине СССР тот самый тип колониальной начальной туземной миссионерской (протестантской) школы для незрячих с ремесленными мастерскими, в которой преподавал он сам в Британской Индии в 1917–1918 гг. До 1947 г. Индия находилась под британским управлением, значительное британское влияние присутствовало также в пограничных с СССР странах – Иране и Афганистане. И исторические предпосылки со значительным британским влиянием в приграничных регионах Туркмении и Афганистана, и климат, и распространенность глазных болезней, и неразвитость системы специального образования, и полное отсутствие какой-либо поддержки незрячих – все это в значительной мере сближает советскую Кушку и колониальную Бирму. И если в некоторых статьях уже звучала мысль о том, что школа в Кушке – для Ерошенко прямое продолжение

¹⁵ По А.С. Поляковскому – Татьяна Николаевна Полякова, которая краля продукты у незрячих детей и на должности продержалась недолго, по документам клуба «Поиск» – Ольга Овчинникова, по А.А. Панкову – О.О. Полякова.

¹⁶ «Another thing, which I would like to suggest, is that a Colony for the blind should be instituted. This could easily be done in Burma. My idea is that a piece of land should be set apart for the blind, and they should be taught to cultivate paddy fields, vegetable gardens, coconut trees, rubber trees, sugarcane and fruits of various kinds. They could also keep cattle and fowls. They could learn how to row, how to catch fish, how to make or repair boats and nets. They might learn how to preserve fruits, vegetables, fish. Blind girls should learn weaving, spinning, sewing and knitting, as well as cooking, washing clothes, rearing of domestic animals- and other household duties. There is no doubt that such a Colony, under the control of sighted teachers, would flourish, if it were well-managed. In a few years, it would gain the confidence of the Government and the sympathy and love of all people. Such a Colony would be a brilliant example also for the West. Every year millions of pounds are spent for the blind in Western countries and as a result the blind are helpless; they are continually asking for assistance. This helplessness is due not to the blind themselves, but to the blind leaders of the blind who hitherto have not realised their fatal mistake. But I will not speak of them here. In the Colony which I have suggested, the sciences and arts would also be taught to the blind, their bodily and spiritual Hygiene would receive proper attention, and the blind man would become a useful citizen. Who knows but that they might take a great part in arousing the Jungle people to rid themselves of their old prejudices and their enormous superstitions? Who will dare to say that the blind man may not become a leading light in the dark night of the forest, a blessed guiding star on the path of jungle people, leading them from the darkness of their ignorance to the true lights of civilization?»

¹⁷ Незрячий массажист и эсперантист, выпускник Токийской школы слепых Танабэ Кунио подчеркивал, что деятельность школы в Кушке была практически такой же самой, как и школы в Бирме, только вместо массажа были выращивание сельскохозяйственных растений и животных: “En Kuŝka Eroŝenko laboris kaj kiel administranto kaj kiel instruisto, de 1935 ĝis 1944. En lernejo “Domo de Blindaj Infanoj” li kunvivis kun infanoj kaj estis ame vokata “Paĉjo”. La aktivado de la lernejo estis preskaŭ sama kiel tiu de lernejo en Birmo. En moviĝado igis infanojn iri eĉ sen bastono. Agrikulturo kaj bestobredado estis inkluzivitaj anstataŭ masaĝo. Li surprizis lokajn loĝantojn per la prezentado de infana opero” [15, p. 18].

его работы учителем в школе для слепых детей в Британской Бирме [15, р. 318]¹⁷, то вторую часть этой же мысли в них мне встречать еще не приходилось. А именно: если это так, то прообразом школы В.Я. Ерошенко должна быть христианская миссионерская школа, с ее основной идеей, заложенной в словах Христа из Евангелия от Иоанна с рассказом об исцелении Христом слепорожденного: «Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нём явились дела Божии» (Ин. 9:3)¹⁸.

Именно этот постулат, подчеркивающий ценность для Христа и его спасительной жертвы каждого человека в мире, давал возможность выстроить систему христианского специального образования, в особенности в традиционных обществах, где люди с любой инвалидностью либо не выживали вообще, либо были сильнее всего стигматизированы, представляя собой обузу, а не высшую ценность и проявление Образа Божьего в человеке, пусть и особое. Отличием детдома для слепых детей, создаваемого и созданного В.Я. Ерошенко в середине 1930-х – середине 1940-х гг. на дальней колониальной окраине СССР является не церковное и миссионерское, а государственное регулирование специального образования незрячих в недавно созданной в Туркмении системе советского Наркомпроса ТССР.

Вопрос о том, насколько ситуация, в которой школу для слепых создает один незрячий человек и сам же руководит ею, приглашая незрячих учителей и воспитателей при минимальном участии зрячих, была вообще возможна в те годы в СССР, и насколько, следовательно, опыт В.Я. Ерошенко, вынесенный им из Британии, Британской Индии и на основе знакомства с западноевропейскими институтами слепых, уникален в этом отношении, все еще остается открытым. Вопрос о том, кем был Ерошенко – тифлопедагогом или «все-го лишь» талантливым воспитателем, и о роли формального образования и документов в этом случае, я выношу за скобки и не считаю нужным его обсуждать: созданная им школа успешно работала десять лет, даже несмотря на постоянные жалобы, анонимки, военное время, спровоцированный переезд, гибель брайлевских учебников на туркменском языке во время переезда и ряд других сложностей, сопровождающих незрячего и естественных в глубокой провинции, таких как отсутствие брайлевских учебников или бумаги для письма по Брайлю в военное время.

Похоже, что в центральных регионах Советского Союза в этот период и особенно в военные годы такая школа, созданная и возглавляемая незрячим-одиночкой, который сам себе подобрал педагогический коллектив из числа незрячих, была уже невозможна. Крах школы Ерошенко начался с того момента, когда власти в лице Наркомпроса ТССР начали по собственному усмотрению менять директоров школы, привлекая к этому случайных людей.

В специальной литературе, кроме примера почти полностью ослепшего от тифа в 1921 г. Б.И. Коваленко и Смоленской областной школы для слепых им. Н.И. Рыкова, которую он возглавил в 1925 г., подобного примера я не встречала. Как и В.Я. Ерошенко, Б.И. Коваленко не раз получал выговоры от Смоленского ОНО. Уже в 1929 г. он получил приглашение в Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена, принял его и в дальнейшем создал здесь первую в стране кафедру тифлопедагогики, которая начала целенаправленно готовить педагогов для специальных школ слепых и слабовидящих. После Б.И. Коваленко директором этой школы был назначен С.А. Петроченков – рабочий с низшим образованием, но со стажем работы 22 года и член ВКП(б) [16, с. 97–98].

В более широком смысле существование школ слепых, возглавляемых самими незрячими, – это не только редчайшее явление в Советском Союзе и до сих пор – на постсовет-

¹⁸ Современный перевод Российского Библийского общества: «Не согрешил ни он, ни родители, – ответил Иисус. – Слепота его для того, чтобы благодаря ей стали явными дела Божьи» (Ин. 9:3). Можно спорить и строить догадки о том, был или не был приезд В.Я. Ерошенко в Ашхабад связан с существованием здесь крупной общины и первого в мире храма Веры Бахаи, а все бахаи были, к тому же, еще и эсперантистами. Однако, на мой взгляд, именно для развития системы специального образования христианская основа является куда более продуктивной. Здесь работает именно признание каждого человека ценностью в глазах Бога, который пошел «ради человечества» на искупительную жертву. И именно христианские идеи более узнаваемы и сильнее звучат в творчестве Ерошенко. Об этом могут свидетельствовать хотя бы заголовки трех его книг, изданных в Японии: «Предрассветная песнь», «Последний вздох», «Ради людей» («Ради человечества»). Это путь самопожертвования Христа.

ском пространстве, в отличие от всего остального мира, но, прежде всего, это вопрос также острого противостояния особого личного и личностного опыта, авторских методик, целеполагания незрячих педагогов и воспитателей, создававших систему специального образования для слепых, и системы жесткого репрессивного государственного регулирования и стандартизации советского образования.

А.А. Панков пишет, что в 1941 г. директором захотел стать Антон Иванов. Началась склока, стали приезжать комиссии. Иванов в присутствии комиссии запустил в столовую собак, которые там нагадили. Комиссия пришла к выводу, что директором должен быть зрячий человек [12, с. 91]. Когда в январе 1942 г. Василий Ерошенко был снят с должности, на его место была назначена зрячая молодая директор, не имеющая опыта работы с незрячими детьми и воровавшая у детдома выделяемые на детей продукты. С ней у Ерошенко вспыхнул конфликт, и на должности она оставалась недолгое время. С 24 января 1942 г. Ерошенко был переведен на должность заместителя директора детдома по воспитательной части¹⁹, а с 15 августа 1942 г. до октября 1944 г. директором детдома был незрячий ленинградский историк Анатолий Федорович Соловьев, его жена Галина Соловьева была оформлена учителем начальных классов. В то время в детдоме было 11 детей, из них две девочки – Зоя Токаева и Акджагуль (Акча) Кулиева. В своей книге о муже Галина Соловьева высказывает предположение, что подозрение властей в неблагонадежности Ерошенко вызвали приходившие в Кушку журналы на эсперанто, английском и французском языках, что и привело к смене руководства школы [9, с. 34].

Еще при В.Я. Ерошенко, 11 ноября 1943 г. школа для слепых в Кушке была переведена в колхоз «КИМ» в нескольких километрах от ж/д станции Семенник Сталинского р-на (ныне Мургаб Марыйского веляята), а с 1954 г. – детдом для слепых был объединен с детским домом для глухих в г. Чарджоу. Как отмечают специалисты по истории становления специального образования ТССР, в 1956 г. в этом детдоме находилось всего 10 слепых детей, попавших туда случайно. В сентябре 1959 г. было принято решение о переводе этого детского дома в г. Ашхабад, и 19 декабря 1959 г. школа была переведена в непригодное здание одной из обычных школ. Отдельное здание для школы слепых было построено лишь в 1961 г. [17, с. 440–443].

Школа-интернат для слепых и слабовидящих детей в Ашхабаде до сих пор единственная в Туркмении. Приказом Министерства народного образования ТССР № 31 от 29 января 1990 г., подписанным министром М. Алиевой на основании постановления Совета Министров ТССР от 22 января 1990 г. № 13 школе-интернату для слепых и слабовидящих детей в г. Ашхабаде было присвоено имя В.Я. Ерошенко. С января 1990 до 2004 г. школа-интернат носила имя В.Я. Ерошенко, затем вновь была переименована с потерей этого имени. По данным, предоставленным Туркменией в ООН, в 2005 г. там училось 126 детей. По словам дочери Н.Ф. Осипенко из ее личного сообщения, «в настоящее время школьный музей в Ашхабаде ликвидирован, произошла полная замена кадров. К сожалению, новые работники совершенно не в курсе дела».

К 130-летию В.Я. Ерошенко и 85-летию создания им в фисташковом совхозе «Пограничник» в семи километрах от Кушки первого Республиканского детского дома для слепых детей я впервые публикую три комплекса документов, касающихся работы В.Я. Ерошенко в Туркмении. Это копии распоряжений и приказов Наркомпроса ТССР за 1935–1945 гг., статьи в прессе о работе школы, в том числе заметка самого В.Я. Ерошенко, и девять воспоминаний его учеников, записанных в 1960–1990-х гг., а также воспоминания учительницы З.И. Шаминой и воспитательницы Р.А. Киселевой (Кемаловой). Все воспоминания впервые сведены воедино из фондов государственных музеев и из частных собраний. Тексты публикую с минимальной редакторской правкой: исправлены ошибки и опечатки, унифицировано написание имен, фамилий и географических названий, подготовлен фактический комментарий.

¹⁹ То есть с 24 января 1942 по 15 августа 1942 г. директором работала та самая зрячая женщина с не установленным окончательно именем, предшественница А.Ф. Соловьева. По справке из пенсионного дела, В.Я. Ерошенко директорствовал по 13 февраля 1942 г., а с 1 апреля по 1 сентября 1942 г. был учителем.

Публикацию о работе В.Я. Ерошенко в Туркмении я готовила около 20 лет, и все же только приближаюсь к этой большой теме. Память о Ерошенко особо тщательно хранят сами незрячие, особенно незрячие эсперантисты. То, что я могу хотя бы прикоснуться к этой теме спустя 85 лет с момента создания давно не существующей школы слепых – результат их работы и их заслуга. Без помощи Анатолия Масенко и предварительной работы Николая Осипенко в 1980–1990-х гг. огромный массив уникальной информации был бы безвозвратно утрачен. Приводимые воспоминания записаны спустя полвека после событий. Это влияет на их полноту и точность, но лучше так, чем никак. Как и незрячие ученики В.Я. Ерошенко по Московскому институту слепых (В. Першин, В. Глебов, Е. Агеев, Е. Дрындин и др.) незрячие эсперантисты всего мира и незрячие Туркмении хранили и хранят о нем память. Я надеюсь дать более подробный анализ этого периода жизни В.Я. Ерошенко в следующих статьях, а сейчас приоритетной считаю именно публикацию документов, а не их анализ, который все еще требует привлечения дополнительных данных.

Это был долгий путь, связанный как с удаленностью Туркменистана, так и с закрытостью фондов отдельных музеев и утратой части личных собраний ерошенковедов. Особую благодарность за многолетнюю помощь и поддержку хочу выразить Анатолию Масенко (Кисловодск), Николаю Осипенко (пос. Новый Георгиевск, Ставропольский край), Олегу Шевкуну, доктору филологических наук Елене Волковой (Москва), Гочмураду Кутлыеву, Светлане Костик (дев. Ивановой) – дочери Антона Иванова (Кушка), Анжеле Филиппченко (Ашгабат), краеведу Александру Лимарову, заведующей Музеем истории отечественной тифлопедагогики А.И. Сизовой, директору Белгородского литературного музея Инне Климовой, директору Белгородского историко-краеведческого музея Вере Романенко (Белгород), директору Старооскольского краеведческого музея Светлане Мищериной (Старый Оскол), заведующей Домом-музеем В.Я. Ерошенко Татьяне Новиковой (с. Обуховка) и всем сотрудникам музея.

Приложения

1. Выписки из распоряжений и приказов Наркомпроса ТССР

1. ВЫПИСКА

ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ № 2

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От 2/1 – 35 г.

§ 2

Т. Гаранину, зав. курсами слепых, – снять с заведывания, обязанность заведывания возложить на тов. Ерошенко с окладом 350 руб. в месяц.

ЗАМ. НАРКОМА ПРОСВЕЩЕНИЯ
ТУРКМЕНСКОЙ ССР

/ПОДПИСЬ/

Оп. № 19, д. 54, л. 1(об).

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом (печать, подпись)

Л. Обухова

Белгородский государственный историко-краеведческий музей, далее БГИКМ,
НВ № 20949

2. ВЫПИСКА

ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ № 65

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От 10 апреля 1935 г.

§ 8

Тов. Ярошенко (sic!) с I/IV.35 г. назначить зав. д. / домом слепых в Моргуновском поселке Кушкинского района с окладом 487 руб. в месяц: 300 руб. за заведывание и 187 руб. за преподавательскую работу²⁰.

Тов. Татищева с I/IV.35 г. назначить на должность завхоза д. / дома слепых с окладом 275 руб. в месяц.

Тов. Ярошенко и Татищеву немедленно приступить к организации д. / дома.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ПРОСВЕЩЕНИЯ
ТССР

ДАВЛЕТ МАМЕДОВ

Оп. № 19, д. 54, л. 74 (об.), л. 75.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом (печать, подпись)
БГИКМ НВ № 20950

Л. Обухова

3. ВЫПИСКА

ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ № 69

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От 19 июля 1936 г.

§ 4

Заведующему дет. домом слепых в городе Кушка тов. Ярошенко (sic!) с I/IV с. г. предоставляется очередной отпуск сроком на два месяца.

Заместителем его на это время назначается завхоз дет. дома тов. Медведев.

ВРИД НАРКОМА ПРОСВЕЩЕНИЯ ТССР

/МУРАТХАНОВ/

Оп. № 19, д. 71, л. 149.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом (печать, подпись)
БГИКМ НВ № 20951

Л. Обухова

4. ВЫПИСКА

ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ № 180

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ТУРКМЕНСКОЙ ССР

²⁰ Интересно, что в Трудовом списке В.Я. Ерошенко в его пенсионном деле указаны другие даты. Согласно справке Наркомата просвещения ТССР, выданной 19 июля 1945 г. № 1253 за подписью Наркома просвещения Т. Бердыева: «Справка. Дана настоящая тов. Ерошенко в том, что он действительно работает при Наркомпросе по приглашению из Москвы как специалист по делам слепых с XI–34 г. В мае 1935 г. тов. Ерошенко был направлен в г. Кушку для организации там первого детдома для слепых в Туркмении, директором которого он находился до 1942 года. С 1942 года в связи с военной обстановкой тов. Ерошенко был переведен на должность педагога при детдоме слепых, а директором был назначен зрячий человек. В должности педагога он работал и по настоящее время в Сталинском районе, куда переведен детдом слепых с 1943 г.». «Трудовой список В.Я. Ерошенко», подписанный секретарем Республиканского детдома слепых (подпись неразборчива), указывает дату начала работы заведующим Республиканским детдомом слепых при Наркомпросе ТССР 24 ноября 1934 г. со ссылкой на приказ НКП ТССР № 65 от 1 апреля 1935 г. Незрячие с детства в СССР тогда не получали социальных пенсий, и В.Я. Ерошенко всегда не хватало подтвержденного трудового стажа, особенно если учитывать годы, проведенные за границей. Видимо, в стаж включили время проезда из Москвы до Ашхабада в конце 1934 г.

От 17 декабря 1936 г.

§ 4

В соответствии с постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» при детдомах системы Наркомпроса ТССР утвердить следующие мастерские:

5. Кушка детдом слепых – столоярная, веревочная и корзиночная.

НАРКОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ ТССР

ДАВЛЕТ МАМЕДОВ

Оп. № 19, д. 72, л. 97.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом (печать, подпись)
БГИКМ НВ № 20952

Л. Обухова

5. ВЫПИСКА

ИЗ ПРИКАЗА № 113

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От 12/IV–1938 г.

§ 3

При ревизии финансово-хозяйственной деятельности за 1937 г. Кушкинского детдома слепых № 1 установлен целый ряд недочётов, в основном сводящихся к следующим моментам:

плохая постановка учёта денежных средств и материальных ценностей в бухгалтерии, отсутствие учёта материальных ценностей на складе, в результате чего оказалась недоста-ча имущества в сумме 2150 руб. 50 коп.

Неудовлетворительное оформление документов при бухгалтерской обработке, зачастую без проверки содержания их по существу.

Нарушения по содержанию штатов и финансово-бюджетной дисциплины, выразившиеся в обозначенном расходовании денежных средств в выдаче авансов из подотчёта в подотчёт и повторных авансов, бесхозяйственное расходование денежных средств.

Для изжития имеющихся недочётов предлагаю:

1. Директора детдома слепых т. ЕРОШЕНКО освободить от несения обязанностей директора, оставив его при детдоме в качестве педагога.

Начальнику управления детдомов т. Лекторскому в десятидневный срок подыскать кандидатуру на должность директора Кушкинского детдома слепых.

ЗАМ. НАРКОМА ТССР

/МИХАЙЛЕНКО/

Оп. № 19, д. 119, л. 192-193.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом (печать, подпись)
БГИКМ НВ № 20953

Л. Обухова

6. ВЫПИСКА

ИЗ ПРИКАЗА № 109

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От 27 мая 1938 г.

§ 6

Предоставить трудовые отпуска за 1938 г. следующим директорам детских домов:

1. Кушкинского детдома для слепых детей т. Ярошенко (sic!) В.Я. с I/IV по I/IX-38 г. как пользующемуся законом от 12/VIII-30 г., имеющего 3 % надбавки. В случае выезда т. Ярошенко (sic!) к предоставленному отпуску прибавить время нахождения его в пути, но не свыше 2-х недель.

ЗАМ. НАРКОМА ПРОСВЕЩЕНИЯ ТССР

/ЛАПИН/

Оп. № 19, д. 118, л. 103.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом (печать, подпись)

Л. Обухова

БГИКМ НВ № 20954

7. ВЫПИСКА

ИЗ ПРИКАЗА № 262

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От 17 декабря 1938 г.

§ 6

Распорядителем кредитов с правом первой подписи по Кушкинскому школьному детдому № 1 на 1939 г. назначить директора детдома тов. ЕРОШЕНКО.

ЗАМ. НАРКОМА ПРОСВЕЩЕНИЯ ТССР

/МИХАЙЛЕНКО/

Оп. № 19, д. 122, л. 79.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Приказы о назначении т. Ерошенко распорядителем кредитов на последующие годы имеются в следующих делах:

Опись № 19, д. 163, л. 45.

Опись № 19, д. 249, л. 29.

Опись № 19, д. 250, л. 74.

Опись № 19, д. 257, л. 74а

Опись № 19, д. 279, л. 39.

Верно:

Зав. архивом

Л. Обухова

БГИКМ НВ № 20955

8. ВЫПИСКА

ИЗ ПРИКАЗА № 134

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От 22 июня 1939 г.

§ 2

Директору детдома слепых т. Ерошенко с 20 июня по 20 августа с. г. предоставляется очередной трудовой отпуск.

ЗАМ. НАРКОМА ПРОСВЕЩЕНИЯ ТССР

МИХАЙЛЕНКО

Оп. № 19, д. 157, л. 52.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом

(печать, подпись)

Л. Обухова

БГИКМ НВ № 20956

9. ВЫПИСКА

ИЗ ПРИКАЗА № 139

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От 21 июня 1941 г.

г. Ашхабад

§ 8

За систематическое непредставление отчёта о численности работников и расходовании фондов заработной платы ф. 8 проф., игнорирование неоднократных об этом напоминаний наркомата поставить на вид директору детдома слепых в Кушке т. Ерошенко и предупредить, что несвоевременное представление статотчётов в дальнейшем повлечёт строгие меры взыскания.

ЗАМ. НАРКОМА ПРОСВЕЩЕНИЯ ТССР

/ШИБАЛИН/

Оп. № 19, д. 261, л. 50.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом

Л. Обухова

БГИКМ НВ № 20957

10. ВЫПИСКА

ИЗ ПРИКАЗА № 19

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От 24 января 1942 г.

г. Ашхабад

§ 6

Тов. ЕРОШЕНКО назначить зам. директора по воспитательной части детского дома слепых № 1 в КУШКЕ.

ЗАМ. НАРКОМА ПРОСВЕЩЕНИЯ ТССР

/БАБАХАНОВ/

Оп. № 19, д. 279, л. 69.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом

Л. Обухова

БГИКМ НВ № 20958

11. ВЫПИСКА

ИЗ ПРИКАЗА № 123

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От 29 июня 1945 г.

§ 3

Командировать педагога детдома слепых Сталинского района Марыйской области Ерошенко Василия Яковлевича в гор. Москву в ВОС и типографию слепых с целью приобретения учебных пособий для детдома слепых.

Командировать за счет т. Ерошенко.

Срок командировки с 1 июля по 1 сентября 1945 г.

НАРКОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР
Оп. № 19, д. 310, л. 194.
Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Т. БЕРДЫЕВ

Верно:
Зав. архивом
БГИКМ НВ № 20959

Л. Обухова

2. Публикации в прессе

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ ДЛЯ СЛЕПЫХ

Туркменское общество слепых возникло совсем недавно, тем не менее, сделано уже многое: во всех крупных районах Туркмении организованы отделения общества с работающими при них производственными мастерскими.

Слепых обучают грамоте. Наркомпрос ТССР организует в Кушке специальную школу для слепых.

Ведутся подготовительные работы по организации новых производственных мастерских для слепых.

ВОЩУГИН

// Туркменская искра. – 1935. – 8 мая. – С. 4.

СЛЕПЫЕ ТУРКМЕНИИ БУДУТ ОБУЧАТЬСЯ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ

Совнарком СССР в октябре 1933 г. принял специальное решение по вопросу о трудоустройстве и просвещении слепых.

СНК СССР обязал Наркомпрос разработать туркменский алфавит и напечатать необходимые учебники и литературу для слепых на туркменском языке. Но это решение правительства до сих пор не выполнено.

В вопросах обучения слепых – Туркмения является почти самой отсталой союзной республикой СССР: татары, узбеки и др. национальности уже имеют свои алфавиты, литературу и сеть школьных и профессионально-технических учреждений для слепых.

Только после нажима соответствующих руководящих органов и печати, Наркомпрос Туркмении с июня 1936 г. начал немного шевелиться в вопросах разработки алфавита и печатания алфавитов, учебников на туркменском языке.

По заданию Наркомпроса зав. детдомом слепых в Кушке тов. Ерошенко в августе 1936 г. представил Наркомпросу проект туркменского алфавита для слепых, в основу которого он положил брайлевский алфавит, признанный всеми культурными народами мира.

Для специфических звуков туркменского языка, имеющих в латинском алфавите, тов. Ерошенко использованы брайлевские точечные знаки, уже принятые в других алфавитах, для тех же самых звуков или близких им по произношению. Причем, не вводя ничего нового, тов. Ерошенко распределил знаки таким образом, чтобы не внести излишней путаницы в сознание слепого учащегося туркмена, при изучении им русского или какого-либо другого иностранного алфавита.

Центральное правление Общества слепых проект туркменского алфавита тов. Ерошенко одобрило, ибо он является наилучшим из всех проектов, составляющихся до сих пор. Тов. Ерошенко, будучи сам слепым, зная несколько иностранных языков (японский, английский, французский, эсперанто), а также будучи неплохим знатоком точечной системы Брайля и алфавитов для слепых, вложил все свои знания и опыт в составление туркменского алфавита. Необходимо ускорить продвижение туркменского алфавита тов. Ерошенко на утверждение в соответствующих органах и немедленно применить на практике при печатании учебников, в первую очередь для детдомов слепых.

Если применение на практике предложенного тов. Ерошенко алфавита для слепых выявит какие-либо незначительные недостатки, то их можно будет устранить в дальнейшем.

Д. Алов

// «Жизнь слепых», двухнедельный орган Центрального правления Всероссийского общества слепых. – 1937. – № 5 (1 марта). – С. 64–66 [Шрифт Брайля]. Машинопись представлена Н.А. Трофимченко.

ПОБЕДИТЕЛИ НА ВСЕРОССИЙСКОМ ШАХМАТНОМ ТУРНИРЕ В ЛЕНИНГРАДЕ. ИЮЛЬ 1938 г.

П.В. Горчаков

Петр Васильевич Горчаков родился 10 января 1915 г. на ст. Ксень Забайкальской железной дороги в семье рабочего. В 1923 г. т. Горчаков заболел воспалением мозговой оболочки и потерял зрение. С 1927 г. стал радиолюбителем, и все дни проводил, конструируя радиоаппаратуру и усилители. В 1931 г. тов. Горчаков поступил в Дальневосточную краевую школу слепых в г. Свободном. В этом же году вступил в комсомол. В 1933 г. после окончания Дальневосточной школы был принят в Ленинградскую профшколу, а в следующем году перешел на рабфак при Ленинградском педагогическом институте им. Герцена. В 1937 г. окончил рабфак и поступил на исторический факультет Института им. Герцена, где и сейчас учится. Игроу в шахматы стал сильно интересоваться с весны 1935 г. По шахматной игре тов. Горчаков имеет третью категорию. На шахматном турнире тов. Горчаков занял первое место.

А.Г. Кукушкин

Андрей Гаврилович Кукушкин родился 23 октября 1888 г. в д. Бурмино Рязанской области. Зрение потерял в 6 лет. В 1906 г. был принят в Московскую школу слепых на Донской улице. Окончил её в 1910 г. Стал работать в мастерской корзиноплетения, где за 13–14 часов работы в сутки получал 10–11 рублей в месяц. «Это было тяжелое время, – вспоминает Андрей Гаврилович. Денег едва хватало, чтобы не умереть с голоду. Собственной комнаты не было. Жил на койках». После революции Андрей Гаврилович живет в доме инвалидов, где занимается общественной работой и руководит мастерской корзиноплетельщиков. С 1929 г. работает токарем на заводе ЭМОС. В этом же году Андрей Гаврилович получил большую светлую комнату с центральным отоплением, газом и телефоном, где и поселился с женой – инструктором Мосотдела ВОС и семилетней дочкой Зиной. «У меня прекрасная светлая жизнь, – говорит Андрей Гаврилович. – Но если всего этого мне удалось достичь, то только благодаря советской власти и партии, перестроивших нашу жизнь».

«С шахматной игрой я знаком давно, – рассказывает Кукушкин. Но по-настоящему заинтересовался я шахматами только в 1925 г. А до того страстью моей была шашечная игра. В 1922 г. я даже получил первую категорию на Московском шашечном чемпионате.

Игра в шахматы – великолепное развлечение, дисциплинирующее человеческую волю. Шахматы учат выдержке, самообладанию, расчету. Вот почему шахматная игра должна интересовать всех, а особенно молодежь. Рекомендую шахматы как одно из самых увлекательных развлечений, прививающее человеку наилучшие черты характера». Тов. Кукушкин говорит, что, оказывается, обучение шахматной игре легче всего достигается при игре в клубах, парках, где возможен широкий обмен опытом и мнениями по поводу игры. Здесь игра в шахматы приобретает характер массового спортивного соревнования. И, наконец, только здесь возможны встречи с сильными партнерами, игра с которыми даёт и чрезвычайно много начинающим и слабым игрокам».

На шахматном турнире тов. Кукушкин занял второе место.

В.Я. Ерошенко

Василий Яковлевич Ерошенко родился 13 января 1890 года в крестьянской семье в д. Обуховке Курской области. В 1899 г. Василий Яковлевич поступил в Московскую школу слепых на Первой Мещанской улице, которую окончил в 1908 г. По окончании школы поступил в оркестры, игравшие в московских ресторанах. В свободное время он с увлечением отдавался изучению иностранных языков: французского, английского, японского и эсперанто, которым особенно хорошо овладел. В течение нескольких лет был за границей. Сейчас тов. Ерошенко состоит директором школы слепых в Туркмении в г. Кушке.

«Шахматной игре я научился давно, – рассказывает тов. Ерошенко, и играл еще в школе на Мещанской. Но особенно много играл в шахматы в 1929 г., когда очутился на Чукотке вместе с экспедицией. Шахматы хороши тем, что учат хладнокровию и выдержке. Каждый ход должен быть строго рассчитан. Промах, «зевок» – и сейчас же наступает возмездие, на-

казание в виде лишения фигуры или проигрыша партии. В этом огромное воспитательное значение шахматной игры. И вот почему всем следует заниматься изучением этой игры»

На шахматном турнире тов. Ерошенко занял третье место.

// Жизнь слепых. – 1938. – № 16 (август). – [Шрифт Брайля]. Начитано И.Н. Зарубиной, набор текста – С.М. Прохоров.

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

В октябре исполняется три года существования в Кушке (Туркменская ССР) детского дома для слепых детей.

Дети обеспечены всем необходимым. Обучаются они грамоте по Брайлю. В программе школы – все предметы обычной школы первой ступени.

При доме имеется мастерские, в которых мальчики вяжут из кенафа веревки, девочки делают гамаки и сумки из шпагата и вяжут. В этом году предстоит открытие двух мастерских – щеточной и чулочной.

Дети приучаются к домашнему хозяйству, ухаживают за домашними животными, работают в школьном саду и огороде. Девочки приучаются шить, убирать комнаты, помогают на кухне. Все дети учатся петь и играть на рояле и других музыкальных инструментах. При доме имеются хоровой и драматический кружки и оркестр. Кружковцы часто выступают на сцене клуба в Моргуновке, а иногда и в Кушке в Доме Красной Армии. Для малых ребят в Доме имеются различные игрушки.

Для библиотеки Дома выписывается несколько детских журналов и «Туркменская искра». Книги и журналы читаются вслух воспитательницей. Есть радио, патефон и много пластинок. Во время летних и зимних каникул дети могут ездить к родителям в гости, дорогу оплачивает детдом.

К недостаткам школы нужно отнести то, что Дом до сего времени не укомплектован: вместо 40 ребят в нем обучается только 12.

Советская власть дала детям Туркмении путевку в счастливое, веселое детство, право на учебу, на труд, на радостную жизнь.

Зав. детдомом Ерошенко

// Жизнь слепых. – 1938. – № 19 (октябрь). – С. 53–55. – [Шрифт Брайля]. Машинопись предоставлена Н.А. Трофимченко.

Интересные судьбы

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЯПОНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ (фрагмент)

Создать первый в Туркмении детский дом для слепых детей Наркомпрос республики поручил Василию Яковлевичу Ерошенко. Из Москвы в Ашхабад он прибыл осенью 1934 года и сразу же горячо взялся за дело. В первые же дни педагог вдоль и поперек исходил Ашхабад, побывал в его окрестностях – Багире, Фириузе, Чули. Через месяц человек, до того не знавший ни одного слова по-туркменски, уже легко объяснялся с местными жителями на их языке /.../

В Ашхабаде сейчас живет немало людей, которые хорошо помнят Ерошенко. Мастер картонажного цеха Туркменского общества слепых Петр Сергеевич Малолетенко – один из первых воспитанников детдома, который организовал в мае 1935 года Ерошенко.

– Нас первых было четверо – Лидия Ниязменглиева, Павел Зубенко, Дурды Петкулаев и я, – вспоминает Петр Сергеевич. – Наш детдом находился в окрестностях Моргуновки, недалеко от Кушки.

Много теплых воспоминаний о своем воспитателе сохранила Валентина Сидоровна Малолетенко и Нурум Момыев. По их рассказам можно представить себе действительно удивительного человека.

По приезду в Туркмению Ерошенко очень быстро изучил туркменский язык, причем настолько, что даже преподавал его. Под редакцией Ерошенко вышли и первые учебники

на туркменском языке для незрячих. Василий Яковлевич создал и первый туркменский алфавит для слепых.

Страстный музыкант, он приглашает из Москвы в далекую Кушку профессиональных пианистов, достает хороший рояль. Долгими вечерами звучала здесь музыка Моцарта, Шопена, Грига, Бетховена и Чайковского. Среди воспитанников детдома были туркмены, узбеки, русские, украинцы. И Ерошенко со свойственной ему мягкостью и тактом находит путь к сердцу каждого из своих воспитанников. Очень слабой попала в детдом Акджагуль Кулиева. Ерошенко заботится о ней особенно.

В 1945 г. Ерошенко вернулся в Москву. После писатель часто навещался в Ашхабад, просто так и в гости, встретиться с близкими людьми, со своими учениками. /.../

Б. МИРТОВ, корр. Туркменинформа

// Чарджуйская правда. – 1973. – 14 августа. – С. 4.

Земля, которой гордимся
ЕРОШЕНКО В КУШКЕ

Впервые о Василии Яковлевиче Ерошенко я узнал от своего деда И.А. Соловьева, крестьянина села Гущенко, что недалеко от Нового Оскола. В детстве он не мог получить образования, однако благодаря природной любознательности, пытливому, живому уму сумел стать довольно грамотным человеком. Этот больной восьмидесятидвухлетний старик, прочитав напечатанную в 1965 г. корреспонденцию в «Белгородской правде» о слепом писателе и поэте Ерошенко, прислал мне вырезку из газеты в Кушку, где я тогда служил. Прислал не случайно. В корреспонденции упоминалось, что В. Ерошенко десять лет руководил интернатом для слепых детей, созданным им самим недалеко от Кушки. Дед просил меня узнать, существует ли интернат, жив ли кто-нибудь, кто был знаком с Ерошенко.

К сожалению, письмо пришло в тот момент, когда я, как говорят, «сидел на чемаданах», готовясь выехать к новому месту службы. Естественно, узнать что-либо не смог.

Не так давно мне вновь довелось побывать в Кушке. И можно понять мое волнение и нетерпение, с каким я начал разыскивать следы интерната и тех, кто либо работал, либо учился в нем. Мне сразу же повезло. Едва я заговорил о Ерошенко с председателем горисполкома, как он сказал:

– У нас в горсовете работает Светлана Антоновна Костик. Она многое может рассказать. Минут через пять я разговаривал с молодой миловидной женщиной.

– Еще в детстве я часто слышала от матери о Василии Яковлевиче, – сказала она. Мама у меня слепая, отец тоже был слепым. Вы поезжайте в совхоз «Пограничник», это недалеко. Там, в конторе совхоза, работает моя сестра Рита, она вас познакомит с матерью, которая живет с нею, покажет, где находился интернат.

Остальное было удивительно просто. В нескольких километрах от Кушки мы свернули с шоссе в сопки, и вскоре машина въехала на территорию центральной усадьбы совхоза. Риту и ее маму нашел быстро.

Мария Игнатьевна пригласила меня в дом и, узнав о цели моего посещения, охотно рассказала все, что помнила о Ерошенко.

Ее муж Антон Александрович Иванов познакомился с Василием Яковлевичем в Ашхабаде в 1934 г., где тот оформлял документы, получал имущество для вновь создаваемого интерната. Ерошенко умел увлекать людей. Он произвел на Иванова такое впечатление, настолько зажег своей идеей, что тот, не раздумывая, согласился поехать в Кушку преподавателем труда интерната.

Ерошенко часто заходил в дом Ивановых, был в нем своим человеком. Его рассказы о странствиях слушать можно было целый день. Ведь он владел несколькими иностранными языками, а также эсперанто, побывал во многих странах Европы, в Китае, Японии, работал на Чукотке. Но, как вспоминала Мария Игнатьевна, ни словом не обмолвился о том, что он писатель.

Значительно позже, через много лет после его смерти, узнала Мария Игнатьевна о том, что до сих пор в Японии считают Ерошенко своим поэтом – настолько в совершенстве владел он японским языком.

Большую часть суток Василий Яковлевич проводил среди детей. Обучал их различным наукам, даже туркменскому языку. Много времени уделял выработке у детей «зрячей» походки. В общем, делал все, чтобы дети не чувствовали себя обделенными, готовил их к полезной обществу деятельности.

Сам Ерошенко ходил без палки и без провожатых. Мария Игнатьевна вспоминает, что он иногда отправлялся в горы на целые сутки.

Когда-то Василий Яковлевич играл в оркестре слепых. Прежние занятия музыкой пригодились и в интернате. Он создал самодеятельность, и воспитанники часто выступали с концертами в Кушке и окрестных селах.

О том, насколько отзывчив и чуток был Ерошенко, говорит такой факт. Муж Марии Игнатьевны умер в начале войны. У нее на руках осталось двое малолетних детей. Василий Яковлевич помогал, чем только мог. Не оставил он семью в беде и тогда, когда интернат выехал из Кушки в 1943 г., а Мария Игнатьевна не рискнула отправиться в путь с малышами. Даже из Ташкента присылал Василий Яковлевич денежные переводы.

Потом мы с Ритой пошли смотреть дома, в которых когда-то размещался интернат. В одном из них, где сейчас находится контора совхоза, в 1934–1943 гг. было управление интерната, в другом, приземистом длинном доме из камня, жили дети.

В. Харьковский (так!)²¹ в своем очерке «Японский поэт Василий Ерошенко» писал, что для Василия Яковлевича интернат в Кушке стал главным делом жизни, ради которого он на время оставил литературу. Побывав там, где некогда находился интернат, побеседовав с одной из тех, кто знал Ерошенко, я понял: да, это было действительно так. Десять лет жизни отдал он детям. К литературному творчеству В. Ерошенко вернулся уже в конце пути в родной Обуховке, что недалеко от Старого Оскола.

Н. Ельшин, военный журналист.
Белгородская правда. – 1974. – 18 июля.
Ленинское знамя. – 1974. – 20 августа.

3. Воспоминания учеников и сотрудников Республиканского детского дома для слепых детей № 1 в Кушке

[Письмо Мусы Амансахатова с воспоминаниями о В.Я. Ерошенко Дмитрию Алексеевичу Алову²²]

Василия Яковлевича Ерошенко я знаю хорошо, учился у него целых четыре года. Сам он, конечно, коммунистом не был, а по натуре был коммунист. Почему? Потому что были такие случаи, иногда я выпивал. Так он, бывало, мне скажет: «Чем ты пьешь, отдай лучше деньги своим друзьям, они что-нибудь себе покушать купят».

А когда он жил в Ташкенте, тут одной слепой высылал деньги – 50-60 рублей в месяц. Редко найдется такой человек, чтобы от себя отрывал и высылал деньги, жалея бедных. Вот как он жалел своих учеников. Когда возвращался из какой-нибудь поездки, то обязательно хотя бы понемногу, но каждому привозил гостинцев.

Жены у него не было. Мы задавали ему вопрос: «Почему вы, Василий Яковлевич, не женитесь?» Он отвечал: «Которые мне нравятся, я им не нравлюсь, а которым я нравлюсь, они мне не нравятся».

В.Я. находился с нами круглые сутки, Его кровать стояла у нас в общежитии. Няни все к вечеру уйдут, и на ночь он оставался с нами один.

²¹ На самом деле – А.С. Харьковский. Прим. Ю. Патлань.

²² Алов Дмитрий Алексеевич – друг В.Я. Ерошенко, работавший в те же годы в Ташкенте, незрячий. Автор заметки «Слепые Туркмении будут обучаться на родном языке» в журнале «Жизнь слепых», приводимой в разделе статей в периодических изданиях. В 1960-х гг. помогал Р.С. Белоусову, составителю первого в СССР сборника произведений В.Я. Ерошенко «Сердце орла» (Белгород, 1962) собирать воспоминания о писателе. В эту же книгу вошли воспоминания о В.Я. Ерошенко и самого Алова (Простой и гуманный. С. 188–190). Копия письма сохранилась в архиве А.И. Масенко (г. Кироводск).

По вечерам читал нам интересные книги, рассказывал сказки тех стран, где он бывал. Ночью, бывало, встанет и будит тех, кто мочился, или подаст горшок. Если кто ходит в горшок, возьмет и сам вынесет на улицу.

В.Я. очень любил купаться, ходить на прогулку в горы, в лес.

Немало навыков он нам привил. Водил нас за речку Кушку в лес пилить дрова, на огород водил косить траву. Огород сами копали, поливали, обрабатывали, резали капусту, собирали помидоры, огурцы.

Питался В.Я. тоже вместе с нами в одной столовой. Сидел всегда за тем столом, где были малыши, более беспомощные – как клушка с цыплятами.

Характер у него был вспыльчивый лишь на одну минуту. Из себя он был очень простой, всегда возился с малышами.

Шоев²³ дал такое показание, якобы В.Я. был эвакуирован в Туркмению во время войны и преподавал будто бы на афганской границе в городе Кушка на языке пушту. Это неверно. В.Я. преподавал нам на русском языке.

Нашу школу слепых он лично сам организовал в середине 1935 г.

Из Ашхабада с четырьмя слепыми ребятами приехал в Кушку, где ему дали здание под школу. В этой школе он проработал десять лет директором и преподавателем.

В 1945 г. уехал в Москву, где работал в институте иностранных языков, преподавал там английский язык²⁴. Оттуда приехал в Ташкент.

Об этом вы уже знаете.

Он знал много языков, любил бедных, всегда им сочувствовал и помогал.

Жадным не был, скупости он не знал: если у него что-то было, всегда делился.

Бывало, встанет ночью и что-то пишет – лишь стук грифеля²⁵ нарушал ночную тишину. Мы спрашивали: «Что вы пишете, Василий Яковлевич?»

Он отвечал: «Ягши зат (хорошую вещь)».

Те труды его бесценные, которые он писал, не спавши по ночам, пропали в багаже, когда он переезжал в Москву в 1945 г. Об этом он сам лично мне рассказывал, чуть не плача. По поводу пропажи багажа В.Я. был в Министерстве связи, подавал во всесоюзный розыск, но все было безрезультатно. Ничего он в этом багаже так не жалел, как своих трудов.

Так и затерялся бесследно его багаж, о чем В.Я. долго не мог забыть.

Уважаемый Дмитрий Алексеевич Алов, я, может, неграмотно написал, так вы простите мне как туркмену. Я очень вам благодарен за вашу ценную инициативу. Желаю успехов в вашем благородном труде.

Муса Амансахатов, бывший ученик Кушкинской школы слепых детей, воспитанник В.Я. Ерошенко, проживающий в г. Байрам-Али по улице Наримановской, д. 11.

(Комментарий А.И. Масенко: с брайлевского оригинала письмо перевел А.И. Масенко. Дата не указана, на штемпеле тоже неразборчиво. Но, сопоставляя известные мне обстоятельства, это примерно 1960 или 1961 год).

Воспоминания Мусы Амансахатова

Машинопись [копия письма, направленного в клуб «Поиск» Республиканской школы для слепых и слабовидящих детей г. Ашхабад]

Воспоминания о Василии Яковлевиче Ерошенко, написанные мной для Республиканской школы-интерната слепых и слабовидящих детей в г. Ашхабаде по улице Грибоедова, № 109

²³ Шоев Федор Иосифович (1902–1965) – публицист, писатель, тифлопедагог известный деятель Всероссийского общества слепых. Один из первых редакторов журналов «Жизнь слепых» и «Советский школьник». Знакомый В.Я. Ерошенко. Незрячий.

²⁴ В.Я. Ерошенко, вернувшись в Москву из Туркмении, год проработал в г. Загорск в интернате для военноослепших, затем в 1946–1948 гг. преподавал английский язык в Московском институте слепых.

²⁵ Речь идет о грифеле для письма слепых, которым незрячие выдавливают на специальной бумаге, используя прибор-рамку, выпуклые точки рельефно-точечного письма Брайля.

Здравствуйте, ребята!

С горячим приветом к вам Амансахатов Муса! Я был очень обрадован, узнав о том, что вы собираетесь присвоить вашей школе имя выдающегося и талантливого человека Ерошенко В.Я. Это великое дело!

Ерошенко В.Я. родился 1890 г. в селе Обуховка Старооскольского р/на Курской области, ныне Белгородская область.

По словам Ерошенко В.Я. – по решению Наркомпроса ТССР в 1935 г. ему выделили помещение для школы в поселке Моргуновка под Кушкой.

В.Я. Ерошенко ослеп от кори в возрасте 4 лет. В 1908 г. окончил Московскую школу слепых детей на Мещанской улице перед I-ой империалистической войной. Выехал за границу, был в Германии, Англии, Японии, Индии, Китае, Таиланде, Бирме. В какой бы стране он ни был, везде открывал школы для слепых детей²⁶, обучал их грамоте, давал им знания.

Он был поэтом, писателем, путешественником, педагогом, музыкантом, знал многие иностранные языки. В совершенстве владел немецким, английским, японским языками. Из этих стран получал литературу, журналы.

Учился в английской Королевской колледжии (sic!), много рассказывал о жизни быте, обычаях, климате, растительном и животном мире этих стран.

Он участвовал в 1914 г. на Всемирном конгрессе эсперантистов в городе Хельсинки²⁷. Возвратившись из-за границы, в 1934 г. хотел открыть школу для слепых детей в Якутской АССР²⁸. Однако у него эта мечта не сбылась. После этого В.Я. Ерошенко приехал в г. Ашхабад, нашел там четырех слепых детей: одну девочку и трех мальчиков. С этими ребятами приехал в Кушку и обосновал там школу. Школа была начальная пятилетка. Она была маленькая, рассчитана на 20–30 детей. Учителей было четверо, в том числе и Ерошенко. Антон Александрович Иванов, Александр Иванович Шамин и Анна Дмитриевна Росщупкина. Иванов А.А. и Шамин А.И. имели квартиры. Иванов жил в поселке, Шамин жил при школе. Оба были семейные. У Шаминых детей не было, у Ивановых было трое девчат – Эмма, Света, Рита.

Ерошенко В.Я. и Росщупкина были холостыми, и поэтому они постоянно круглыми сутками находились с детьми, когда другие работники уходили домой.

В.Я. Ерошенко, будучи директором, основную преподавательскую работу вел сам, все важнейшие уроки вел он. Росщупкина А.Д. преподавала труд. Учила девчат прясть, вязать носки, варежки, перчатки, платки, свитера, кофты. Росщупкина А.Д. ночевала с девочками, Ерошенко В.Я. с мальчиками. Среди ребят были и такие, которые мочились под себя. Их Ерошенко будил и сопровождал в туалет. Короче говоря, они заменяли отца и мать.

Шамин А.И. был пианистом, Иванов А.А. преподавал уроки и труд. Учил вить веревки, плести корзины гамаки, сумки. Наша школа находилась на территории фисташкового совхоза на Соленом арыке в порядке одного км от Моргуновки. В поселке находилось наше подсобное хозяйство: сад, огород.

В саду росли яблоки, груши, сливы, алыча. В огороде выращивали капусту, огурцы, картошку, помидоры, лук, редиску, укроп, петрушку, клевер. От посадки до уборки – все делали сами, держали скот – лошадей, ишаков, коров, овец, свиней, кур.

Огород поливали, сено косили на зиму заготавливали, воду возили, дрова на зиму рубили, скот кормили, дрова пилили, печи топили, по кухне дежурили и т. п.

Было у нас две лошади, четыре ишака и весь наш транспорт – один фургон, одна ишак-арба.

Штат школы был маленький. Четыре учителя, завхоз, кухарка, воспитательница, кастелянша и учетчица.

Школа состояла из 11 комнат, 2 спальни – одна для мальчиков, другая для девочек. Два классных помещения обучения совместного, столовая, красный уголок, склад, кухня, канцелярия, комната, где жил Шамин со своей женой Зинаидой Ивановной и маленький

²⁶ Рассказывая о В.Я. Ерошенко по прочитанным книгам и статьям, М. Амансахатов неточен. Ерошенко хотел открыть школу для слепых в Сиаме (Таиланде) в 1916 г., но ему это не удалось. Школа в Кушке была единственным удачным начинанием В.Я. Ерошенко в этом смысле.

²⁷ XIV Международный конгресс эсперантистов в Хельсинки и Второй международный конгресс незрячих эсперантистов состоялись в 1922 г. В.Я. Ерошенко действительно в них участвовал.

²⁸ В.Я. Ерошенко безуспешно искал для себя место преподавателя английского языка в школе для слепых в Якутской АССР, но это было в 1951 г.

чуланчик. В банные дни ходили в совхозную баню, которая была рядом со школой, меняли бельё раз в десять дней.

В школе не было ни водопровода, ни электричества. Была керосиновая лампа, которая освещала не полностью нашу школу. С трёх сторон окружали горы. Школа находилась между колхозным арыком и горным родником, откуда мы возили воду для питья на ишаках.

В.Я. Ерошенко любил ходить на прогулки с нами. Рассказывал, как на горах растут фиштакшковые деревья. Ходили в лес за Кушку-речку. Купались в этой реке. А за этой рекой пилили большие деревья, обрубали сучья, а стволы распиливали на дрова. Затем грузили на фургон и ишак-арбу, отправляли в школу. В этой работе нам помогал и учил завхоз. Каждый из нас брал по суку, примерял по своим силам и тащил за собой.

За 10–15 километров на лошадях и ишаках ездили в совхоз «Чеменебит» за соломой. Сами набивали мешки, сами грузили без помощи Василия Яковлевича и только к вечеру возвращались в школу.

Продуктами питания и кормом для скота нас обеспечивали близлежащие колхозы и совхозы. Расскажу про один эпизод, произошедший между школой и подсобным хозяйством. Там проходила железная дорога, и нам приходилось каждый день ходить туда и обратно через эту самую железную дорогу. И вот однажды мы на ишаке, запряженном в арбу, ехали в школу, но в тот самый момент, когда мы проходили через переезд, наш ишак вдруг ни с того ни с сего остановился и, как это с ними бывает, заупрямился и не сходит с места.

Слышим – идет поезд. Гоним ишака, а он ни взад, ни вперед. Стоит как вкопанный. И тут мы увидели, что у бедного животного одна из передних ног застряла между рельсами.

Поезд был почти рядом. Испугавшись, стали арбу тянуть назад. Бедный ишак повернул голову и в этот момент поезд отрезал ногу ишаку и остановился. Машинист вышел из паровоза посмотрел на нас, увидел, что мы все слепые, покачал головой, сел на поезд и уехал.

Ишаком правила девочка с остатком зрения по фамилии Константинова Лидия.

В.Я. Ерошенко много читал книг, это было для него любимым делом. У нас было много хорошей литературы. Читал он хорошо бегло, с выражением. Куда бы ни ездил, куда бы ни ходил, брал с собой книги. А по вечерам проводил коллективные читки. Все ребята и девочки собирались вокруг него и с вниманием слушали. Читал А.С. Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Горького, Островского, Маяковского, Шолохова и др. писателей и поэтов.

У В.Я. Ерошенко почти не было свободного времени, он всего себя без остатка отдавал детям. В.Я. Ерошенко любил находиться на открытом воздухе, любил детей, животных, природу. Весной ходили на кладбище, где были похоронены защитники границы СССР. На могилы клали букеты живых цветов [тем], кто с оружием в руках боролся за Советскую власть.

Набор детей Ерошенко производил лично сам. В поисках слепых детей ему самому приходилось ходить пешком по аулам. На пути приходилось преодолевать всевозможные препятствия. А в то время не каждый родитель отдавал слепого ребенка в школу. И в школу попадали дети, в большинстве оставшиеся без родителей. После изгнания немцев от Москвы, в начале 1942 г.²⁹ уехал со своей женой Шамин. На место Ерошенко назначили нового директора молодую девушку в возрасте 25 лет. В том же году умер Иванов А.А. Ему было 29 лет. Жена Иванова – Мария – с детьми осталась жить в Моргуновке.

Наркомпрос в 1942 г. направил в Кушку слепого ленинградского профессора Соловьева А.Ф. с женой Галиной, директором школы. После освобождения советскими войсками города Курска уехал и сам В.Я. Ерошенко. Багаж, который он при выезде отправил на родину, затерялся где-то в дороге. В багаже в основном были его рукописи, дневники и книги. Все его труды за куштинский период пропали. Он очень об этом сожалел и чуть не плача рассказывал мне об этом.

Я после школы с Ерошенко встречался три раза. В первый раз это произошло в 1945 г. на поезде, когда он приезжал разыскивать свой багаж. Говорил, что куда только он ни писал, ниоткуда не мог получить положительный ответ.

Во второй раз мы с ним встретились у меня на квартире в 1948 г. Тогда многие его ученики жили в г. Байрам-Али. В третий раз встреча была в Ташкенте, где он в одном из инсти-

²⁹ З.И. Шамина работала в школе в 1937–1938 гг., А.И. Шамин – в 1937–1939 гг.

тутов преподавал английский язык³⁰. Это было в 1950 г. В 1943 г. школу перевели в Мургабский район и объединили со зрячими учениками. В 1953³¹ г. школу из г. Чарджоу объединили уже с глухонемыми детьми. Лишь в 1959 г. школа была переведена в столицу республики г. Ашхабад.

Ерошенко занимался спортом. Любил бег, плавание, хорошо играл в шахматы, шашки и домино. До него в Туркмении даже не могли подумать о том, что слепой человек может научиться читать, писать, заниматься спортом. Он снискал к себе любовь и уважение со стороны инвалидов, детей и взрослых. своей отзывчивостью, человечностью, гуманностью любовью, уважением, добротой, чуткостью, заботой к ним.

Об этом замечательном человеке можно писать целую книгу. Я думаю, и этого хватит, чтобы иметь хоть какое-то представление о нем. Я одобряю и приветствую вашу идею о присвоении вашей школе имени В.Я. Ерошенко!

Желаю вам больших успехов в вашем благородном деле, ребята! Чем больше нас отдаляет время от тех ерошенковских дней, тем все меньше остается людей, знающих В.Я. Ерошенко.

В городе Байрам-Али – я и Кулиева Акча, в городе Мары – Нурлиев Меред, в городе Ашхабаде – Малолетенко Валентина, Ниязменглиев Байназар, Момыев Нурум. За пределами Республики проживают – Токаева Зоя, вот ее адрес: Кролевецкий район, Сумская область, Укр. ССР, УТОС³². Белюк Женя в Пензе ВОС РСФСР³³, Бродо Виктор в Ставрополе, ВОС РСФСР, Бердиев Сайлы в Катакургане Самаркандской области, УзОС³⁴, Жаманова Нюра в Самарканде, УзОС.

С этими товарищами учились вместе в школе.

Амансахатов Муса.

25.11.87 г.

Конверт:

309530

Куда город Ст. Осков (sic!)

Белгородской обл.

Ул. Ленина 74/7

Городской краеведческий музей

/Отправитель/

746000 Турк. ССР

Марыйская обл.

г. Байрам-Али

Строительный переулок 18

Амансахатов М.

Старооскольский краеведческий музей (далее – СОКМ), № НВ 3324

Воспоминания одного из первых воспитанников Республиканской школы слепых детей Туркмении – Бродо Вацлава Осиповича³⁵ об организаторе и первом учителе этой школы Василии Яковлевиче Ерошенко

В раннем детстве один дехканин-туркмен сказал мне такую пословицу: «У слепца нет лица». Эта пословица соответствовала действительности в те времена.

³⁰ Согласно двум справкам из пенсионного дела, в Ташкенте В.Я. Ерошенко преподавал брайлевскую грамоту в вечерней школе ликбеза слепых при Ташкентском отделении Узбекского общества слепых с 12 декабря 1949 г. по июль 1951 г.

³¹ По другим данным – в 1954 г.

³² УТОС – Украинское общество слепых.

³³ ВОС – Всероссийское общество слепых.

³⁴ УзОС – Узбекское общество слепых.

³⁵ Бродо (Брода) Вацлава Осиповича также часто называют Виктором.

В то время туркменский народ был темный, неграмотный. Своих незрячих детей родители с большой неохотой отдавали в школу учиться. И надо было иметь большое терпение, настойчивость, чтобы убедить родителей и родственников таких детей в необходимости их обучения.

Наша школа была создана в 1935 году в пограничном поселке Моргуновка Тахтабазарского района Марыйской области, официальная дата ее открытия считается 23 октября 1935 г. В первые годы в школе насчитывалось от 10 до 20 учащихся. В большинстве это были туркменские дети. Организатором и первым директором школы был В.Я. Ерошенко. Преподавание велось на русском языке, так как не было учебников на родном туркменском языке, да и не было подготовлено национальных учителей в том числе.

Первых учителей хорошо помню – супругов Шамина Александра Ивановича и Шамину Зинаиду Ивановну. Александр Иванович много занимался эстетическим воспитанием детей. Преподавал уроки музыки и пения, обучал игре на фортепьяно. Зинаида Ивановна преподавала по программе начальных классов.

Иванов Антон Александрович вел уроки в специальных мастерских, где вили веревки, ткали половики, плели сумки из шпагата.

Рощепкина (sic!) Анна Дмитриевна обучала школьников вязанию носков, свитеров, варежек.

В годы Великой Отечественной войны наши ученики вязали бойцам фронта теплую одежду.

Я учился в школе [в] 1938 году – [по] 1945 г., а с 1945 по 1949 гг. уже не учился, а жил в школе до совершеннолетия, выполнял различные поручения школы.

В.Я. Ерошенко был директором школы в 1942 г.³⁶ Он также преподавал различные предметы, в том числе и немецкий язык. Примерно в 1940 г. в школе уже использовались в 1 и 2 классах учебники по Брайлю под редакцией В.Я. Ерошенко на туркменском языке.

Учебники были напечатаны в Москве благодаря настойчивости Василия Яковлевича.

При Ерошенко в школе было хорошо. Здоровая нравственная обстановка, крепкая дисциплина среди учащихся. У учеников Василий Яковлевич пользовался большим уважением за свое отношение к ним: всегда доброжелательное, уважительное, он старался выработать у них самостоятельность и в суждении, и в поведении. Особенно любили его малыши. Он часто по вечерам приходил к ним, рассказывал много сказок, интересных историй о своих путешествиях по разным странам. Малыши всегда с нетерпением ждали новых встреч с ним.

В школе всё, в основном, было поставлено на самообслуживании, а старшие учащиеся вместе с Ерошенко ходили в лес за дровами или заготавливали сухой бурьян для отопления печей.

Весной и летом часто с ним выходили на природу. Он рассказывал о растениях, учил распознавать их, обучал ориентировке в пространстве.

Школа имела подсобное хозяйство: овец 3 десятка, лошадь, 2 ишака, земельный участок около 1 га, на котором выращивали ячмень, огородные культуры. В подсобном хозяйстве хорошо трудились все учащиеся.

У окрестного населения школа пользовалась большой популярностью, так как ученики часто выступали с концертами в сельском клубе и даже в Доме Красной Армии в г. Кушка.

Учеников школы, в основном, трудоустроивали в местах УПП³⁷. С уходом в 1945 г. из школы В.Я. Ерошенко она пришла в упадок. Контингент ребят резко сократился. Потому что снизилась агитационная работа среди населения. По этим причинам школа в 1945 году³⁸ была переведена в город Чарджоу и объединена со школой глухонемых.

Я до сих пор с чувством глубокой благодарности вспоминаю годы общения с В.Я. Ерошенко. Благодаря его деятельности я многому научился, что пригодилось мне в жизни.

³⁶ По документам пенсионного дела, директором детдома В.Я. Ерошенко был до 1 апреля 1942 г., а с 1 апреля 1942 г. по 1 сентября 1945 г. – учителем.

³⁷ УПП – учебно-производственные предприятия, на которых работали незрячие.

³⁸ Здесь Н. Момыев допускает ошибку – в Чарджоу школа слепых была переведена в 1954 г.

Примечания руководителя группы «Поиск» [Н. Ф. Осипенко]:

В госархиве Ашхабада найдена газета «Туркменская искра» от 6-го мая 1935 г.³⁹

В ней сообщается, что школа слепых детей в Туркмении была открыта 13 апреля 1935 г. Другие бывшие ученики [подтверждают], что это было именно так, и Бродо ошибается в дате открытия школы. Из Кушки школа была переведена не в Чарджоу, как пишет Бродо, а в Мургаб, это подтверждают все бывшие ученики. Да и сам Бродо летом 1988 г. сделал эту поправку в телефонном разговоре со мной.

Бродо В.О. Мои воспоминания о Ерошенко В.Я. [письмо в открытый 12.01.1990 г. Дом-музей В.Я. Ерошенко в с. Обуховка, записано под диктовку]

Наша школа была организована, или, вернее, открыта, 23 октября 1925 г. (sic!)⁴⁰, это по официальным районным документам. Я не знаю, сохранились ли они в архивах Туркмении? Это я хорошо помню, хотя меня привезли в школу 3 марта 1938 г.

В то время мне было около 7 лет. Привез меня туда сам Василий Яковлич (sic!). Конечно, многое в памяти сгладилось, но я хорошо помню [отношение] к нам, учащимся, нашего учителя.

Нас с детства приучали к труду, после школьных занятий труд был обязательным, учащиеся сами обслуживали себя, заготавливали на зиму дрова, ездили за водой, так как водопроводов в то время не было. Также получали трудовые навыки в хозяйственных делах: вили веревки из пеньки и сдавали продукцию в соседний совхоз. В военные годы учащиеся вязали теплые носки, варежки, тем самым вносили свой посильный вклад, отправляя продукцию на фронт.

Ерошенко подобрал себе хорошие педагогические кадры: например, у нас работал хороший музыкант Шамин А.И., который с детства приучал к серьезной музыке, Иванов А.А. и Рощупкина А.Д., кстати, ваша землячка из села Городище, которые также приучали учащихся к труду, тем самым воспитывая в нас уважение к людям.

Теперь о самом Ерошенко. Насколько я помню, этот человек относился к нам со всей душой. У него не было отдельной квартиры, спал он в спальне с мальчишками. Короче говоря, 24 часа в сутки он проводил с ребятами, питался с одного котла со всеми вместе. В трудные военные годы со своей мизерной зарплаты покупал кое-какие продукты и старался подкармливать ребят, благо, нас тогда было не так уж и много.

Сбором контингента учащихся в основном занимался сам. Ездил по аулам республики и в буквальном смысле слова незрячего ребенка выманивал у родителей. А вы знаете, туркменский народ темный, а в те годы тем более, взять ребенка из семьи было трудно. Общественность очень плохо помогала. Но, несмотря на это, в школе было около 13 человек учащихся. Я не знаю его отношений с властями, но мне кажется, кое-кто ему ставил палки в колеса. В конце 41-го года его отстранили от директорства, но, несмотря на это, он остался работать преподавателем и вел свое дело так, как велела ему его совесть.

Все учащиеся очень любили его. И в наших сердцах он остался честным, хорошим учителем, воспитателем и человеком чистой совести.

Ну вот пока и все. Извините, что не мог приехать, слишком поздно получил приглашение, а отпуск оформить за 2-3 дня не смог.

14.01.90 Бродо В.О.

СОКМ КП № 14650

Воспоминания Малолетенко Валентины Сидоровны, бывшей ученицы В.Я. Ерошенко (записаны 12.11.1987 г.)⁴¹

В школу В.Я. Ерошенко («детский дом для слепых детей») я поступила 11-летней в 1939 г. и училась там до 1942 г. Тогда, конечно, я ясно не создавала, просто мне очень нра-

³⁹ Двое туркменских коллег по моей просьбе поднимали подшивки «Туркменской искры» за май 1935 г. В номере за 6 мая они не обнаружили ничего о школе слепых, а в номере за восьмое мая – приводимую в этой публикации заметку с упоминанием об открытии школы, но без указания дат.

⁴⁰ Описка записывавшего под диктовку письмо В.О. Бродо, должно быть – 1935 г.

⁴¹ Воспоминания мною получены 26 марта 2006 г. от Н.Ф. Осипенко через А.И. Масенко. – Ю.П.

вилось быть в нашей школе. А когда стала взрослой, поняла, что добрую, семейную атмосферу создавал В.Я. Мы жили как братья и сестры, а В.Я. был нам, как отец. Я вовсе не преувеличиваю.

В.Я. очень заботился о детях, особенно о маленьких и слабых. Старался, чтобы школа была обеспечена всем необходимым. Он много нам рассказывал и читал.

Он составил туркменский алфавит, который позже немного усовершенствовали его ученики Момыев Н., Петкулаев Д. и др. Еще В.Я. написал букварь на туркменском языке, книгу для чтения и учебник естествознания. Он добился, чтобы учебники эти были изданы, и мы по ним успешно и с удовольствием занимались.

Учительница труда, очень добрая, заботливая женщина, Анна Дмитриевна Росщупкина, учила нас шить, вязать, стирать, готовить еду. У нас была художественная самодеятельность. Мы выступали с концертами в совхозном клубе, у пограничников и даже на УПМ (учебно-производственная мастерская) г. Байрам-Али.

Скажу откровенно: три года моей жизни в школе – это самые лучшие годы.

Из той школьной жизни хочу рассказать вот что. Однажды весной, после обеда случилась гроза и буря. Страшно гремел гром, беспрестанно полыхали молнии, свирепствовал сильный ураган. Рекой с неба лил дождь. Было жутко.

Казалось, все кругом рушится и гибнет. Мы все собрались в одной комнате, прижавшись друг к другу. Даже наш любимец собака Дружок тихо сидел, прижавшись к нашим ногам. Воспитательница Раиса Александровна Киселева рассказывала нам, почему бывает ветер, дождь, гром и молния. Хотя ее голос немного успокаивал, все же мы очень боялись. Сколько времени длился этот кошмар снаружи, я не помню. Вдруг второклассница Нюра вскрикнула: «Ой, а как же В.Я.?! Ведь вчера, когда он уходил в Кушку, сказал, что вернется сегодня к вечеру». И тут все сразу заговорили, заспорили и стали обсуждать, пойдет ли он в такую непогоду или останется в Кушке до завтра. А может, как-то можно ему помочь, если он уже в пути? Высказывались разные мнения, предположения и предложения. Мы так увлеклись, что, когда немного успокоились, заметили: гром стих и куда-то ушел, тоже молнии удалились, а непроглядный ливень перешел в несильный дождь.

В наступившей паузе Дурды Петкулаев сказал: «Ребята, слушайте! Если В.Я. пошел в школу и где-то недалеко сбился с дороги, мы сможем ему помочь». Все опять закричали, зашумели: «Как ты поможешь? Чем поможешь?».

Дурды постучал по столу кулаком. Все затихли. Он сказал: «Мы выйдем на крыльцо и будем громко его звать. Он нас услышит и найдет дорогу».

Опять все зашумели: «Там дождь, ну и ничего, если намокнем». «Пошли!»

Дурды снова постучал, успокоил всех и сказал: «Мы все не пойдем, а только по 3–4 человека. Над крыльцом есть небольшой железный козырек, который прикроет нас от дождя и усилит наши голоса». Все опять закричали, зашумели: «Ура!» «Пойдемте!» «Идем!» – Все вскочили.

Раиса Александровна смеялась и останавливала нас. Наконец, мы успокоились и договорились, что Раиса Александровна будет вызывать по четыре человека по алфавиту, будет следить за часами, чтобы мы звали В.Я. с крыльца по две минуты. Она еще добавила, что вернувшихся с крыльца «крикунов» будет угощать чаем. Сказано – сделано! Мы группами чередовались: пока одна группа кричала на крыльце, другая, вернувшаяся, пила чай, а следующая группа готовилась к выходу на крыльцо, чтобы кричать.

Нас, правда, смущало то, что мы не знали, идет ли В.Я. в школу и где он вообще. Но Дурды придумал правильно. Не зря же потом, когда стал взрослым, он много лет был председателем ТОС и ТОГ.

Теперь оживился, пришел в себя наш Дружок. Он бегал, прыгал и лаял около ребят «крикунов», не обращая внимания на дождь. Мы продолжали чередоваться и не сразу поняли, что в какой-то момент Дружок исчез.

И вдруг услышали далекий лай Дружка и крик В.Я. Они приближались к нам. Мы обрадовались. Ребята, находившиеся в помещении, тоже выбежали во двор под дождь. Раиса Александровна и Петя стали спешно загонять ребят в помещение.

Поднялась несусветная сутолока. А тут еще подошли В.Я. и Дружок. Теперь все поспешили зайти в школу. Ребята галдели, толкались – всем хотелось расспросить и потрогать В.Я. Он был мокрый и холодный, но бодрый и веселый.

Тут же прыгал и лаял тоже мокрый и грязный Дружок. В.Я. сказал, что сначала он пойдет мыться и переодеться, а потом все подробно расскажет. Учитель ушел, а мы шумели, кричали, спорили – каждый хотел высказаться.

Вскоре пришел В.Я., сел за стол и всех утихомирил. Раиса Александровна дала ему пилу с горячим чаем. Он отпил несколько глотков, а мы затихли в ожидании.

В.Я. сказал: «Во-первых, председатель Кушкинского райисполкома даст дрова, но пилить и колоть мы их будем сами». Все закричали: «Ура!». Ведь наши старшие мальчики умели пилить и колоть.

Затем он продолжил: «Начальник железнодорожной станции даст краску, кисти и все необходимое для ремонта школы». Опять кричим: «Ура!»

«Третье, – добавил учитель, – члены Общества слепых и глухонемых решили купить мальчикам зимние шапки, а девочкам – теплые платки». Снова «Ура!»

В.Я. продолжил: «А теперь я расскажу о том, как шел из Кушки в нашу школу. Когда я уже вышел из Кушки, мне повстречался дядя Нуры. Вы его знаете, он живет на краю Моргуновки». «Да, да», – подтвердили мы.

«Он сказал, что, наверное, будет буря и гроза. И я так подумал, но возвращаться не хотел, решил, что успею, если пойду побыстрее. Ведь я вам обещал, что вернусь сегодня, да и в школе есть срочные дела. Дядя Нуры пожурил меня, что не хочу послушаться его доброго совета, пожелал мне счастливого пути, я ему тоже, и мы пошли каждый своей дорогой. Прошел я приблизительно половину пути от Кушки до Моргуновки, как вдруг разразилась буря и гроза. Ну, вы сами слышали и видели, как выл и ревел ветер, как грохотал гром и какой лил дождь!»

«Да, да, слышали и видели!»

«Ну, вот. Ветер толкал и рвал меня, будто хотел разорвать на части, а дождь лил так, словно наступил всемирный потоп. Грохота грома и молний я не боялся и был спокоен за книги, которые лежали в моем рюкзаке.

Он сделан из прорезиненной ткани. Я всегда с благодарностью вспоминаю пограничников, которые мне его подарили. Вскоре дорога раскисла от воды, все вокруг превратилось в сплошную грязь, и, конечно, я потерял правильное направление.

Я остановился и решил подумать, что можно предпринять. Если пойду в неверном направлении, то в этой неразберихе легко могу угодить в овраг или в песчаный карьер, и тогда могут пострадать и книги в рюкзаке. Пока я топтался на месте и размышлял, вдруг сквозь шум ливня, вой ветра, в паузах грохота грома услышал приближающийся лай Дружка.

Сначала подумал, что это мне показалось. Но нет, это был он, наш дорогой песик. Мокрый, грязный, но такой родной! Ведь он примчался мне помочь! Он бегал, прыгал около меня, с лаем отбегал, снова прибежал ко мне, тянул за штанину.

Я понял: он меня зовет и хочет повести домой. Я снял брючный ремень, один конец привязал к ошейнику Дружка, а другой крепко взял в руку, и мы поспешили в школу».

Пока В.Я. рассказывал, то тут, то там раздавались восхищенные возгласы ребят. Когда же он умолк, чтобы сделать несколько глотков чаю, мы зашумели и зааплодировали. Все наперебой хотели погладить и потрепать нашего любимца Дружка, но Паша поторопился его увести. Тем временем дождь совсем прекратился, а мы пошли на ужин.

Следующим утром к нам пришли два мужчины из совхоза и сказали В.Я., что где-то, я точно не поняла, собралось очень много воды. Она может прорваться в направлении нашей школы. Если это случится, школу может затопить и даже разрушить. Чтобы этого избежать, нужно прокопать арык от балки до оврага, чтобы спустить воду и сель в овраг. Прodelать же эту работу совхоз и сельсовет не могут – нет людей. Поэтому В.Я. должен эвакуировать всех детей в Кушку. С собой можно взять только то, что можно унести. Это они сказали и ушли, а мы стояли молча. Нам не хотелось уходить, оставив наш дом в беде.

В.Я. вздохнул, задумался, а потом спокойно и твердо сказал: «Ребята, мы должны спасти нашу школу. У нас есть четыре лопаты. Я, Петя, Паша и Женя будем копать вдоль натянутой веревки, а остальные ребята и сотрудники будут выбрасывать землю из арыка всем, что у нас найдется: тазиками, ведрами, подходящими жестянками, фанерками и дощечками. Итак, пошли за инструментами, и вперед, да побыстрее!».

И работа закипела: В.Я. и старшие ребята копали, а мы выбрасывали землю на берег. После ливня земля была мягкая, и работа быстро подвигалась. Но через некоторое время мы стали уставать: нещадно жгло солнце, дул сухой жаркий ветер.

Пот лил в три ручья. Болели руки, спина, ноги. Мы же работали, наклонившись; а когда арык стал глубже, приходилось садиться на корточки, чтобы зачерпнуть земли, затем вставать, чтобы выбросить ее на берег арыка. Отдыхали по очереди, пили зеленый чай. В.Я. подбадривал нас, а сам работал, не переставая, чай пил на ходу. Мы тоже старались, как только могли, никто не лентяйничал.

Работали долго. Казалось, работе не будет конца. Но нет, арык становился все глубже и глубже. Наконец, В.Я. сказал, чтобы все вылезли из него и отдохнули, а сам прошел по арыку от начала и до конца, касаясь руками его стенок. Арык был глубиной по его грудь и шириной около метра.

В.Я. подозвал Петю с лопатой и попросил подравнять стенки арыка в некоторых местах. Учитель сказал: «Я думаю, что арык получился хороший. По нему вода и грязь благополучно пойдут в овраг, и все будет хорошо. Молодцы! Хорошо потрудились. А теперь мыться и обедать!».

Дружное «ура» и аплодисменты раздались в ответ, и мы покинули нашу линию трудового фронта. После обеда мы собрались на холме под большим тутовым деревом. Конечно, с нами был В.Я., все сотрудники, а недалеко пасся наш ослик.

Ну, а Дружок, как всегда, повсюду бегал. Пока В.Я. рассказывал о своем селе, в котором родился, и разучивал новую песню о Волге, время от времени кто-то из ребят бегал посмотреть, что происходит в арыке. Но там все было по-прежнему. Мы уже подумывали, что напрасно трудились. Когда же в очередной раз Витя Бродо побежал к арыку, он закричал: «Идет, идет!».

Мы вскочили и хотели бежать к арыку, но В.Я. громко и строго остановил: [«Все оставайтесь здесь! Никто никуда не уходите! Сейчас мы с Раисой Александровной посмотрим, что там делается. Если будет можно, мы разрешим подойти остальным». И они ушли. А мы ходили около дерева, топтались на месте: разве можно было сидеть спокойно?! Вскоре Р.А. крикнула: «Идите сюда!»

И мы помчались на зов. А когда прибежали к арыку, то увидели, что его стенки мокрые, а по дну медленно ползет темно-серая жижа. И так, мы работали не зря.

Все дружно крикнули наше любимое «ура!» и беспорядочно, возбужденно заговорили. В.Я. дал нам пошуметь, а потом сказал: «Дорогие ребята, мы спасли наш дом. Запомните этот день!»

Воспоминания Малолетенко Петра Сергеевича, бывшего ученика В.Я. Ерошенко (записаны 12.11.1987 г., умер 10.11.1989 г.)

Я жил с матерью около Ашхабада в курортном поселке Ферюзе.

Мама работала в санатории поваром. Мне было 16 лет. Из-за очень плохого зрения уже четыре года я не учился в школе. Я помогал маме по дому и на работе.

Однажды в начале весны 1935 г. к нам пришел высокий слепой человек.

Он сказал, что зовут его Василий Яковлевич Ерошенко и что скоро около г. Кушки будет школа для детей, которые плохо видят или совсем слепые, причем на полном государственном обеспечении. Если я хочу учиться, и мама согласна меня отпустить, то я поеду с ним сначала в Ашхабад.

А когда соберем детей, отправимся в Кушку. Мама сразу согласилась, а я обрадовался, что буду учиться.

Я пошел собираться к отъезду, а В.Я. и мама разговаривали и пили чай. Скоро я простился с мамой, и на попутной машине я и В.Я. поехали в Ашхабад.

Несколько дней мы жили в Центральном правлении Туркменского общества слепых и глухонемых, которое находилось на углу улиц Пушкина и Кемине⁴².

⁴² Кеминé (туркм. Keminé), настоящее имя Мамедвелі (туркм. Mämmetweli), (ок. 1770–1840) – туркменский поэт.

Все эти дни мы ходили в разные учреждения и разыскивали детей в городе и в его окрестностях. Также однажды мы посетили брата Василия Яковлевича – Александра Яковлевича. Он был ветеринаром и жил около локомотивного депо.

Потом, когда школа уже работала, мы не раз бывали у него. Адрес его сейчас не помню. Да ведь теперь там все по-другому расположено.

И вот, когда мы собрали восемь или десять детей в Центральном правлении ТОС и ТОГ⁴³, нам дали грузовую машину и повезли в Кушку. Но не успела машина выехать на соседнюю улицу, как сломалась. До вокзала железной дороги было совсем близко, и во главе с В.Я. мы поехали поездом до Кушки. В Кушке от вокзала до деревни Моргуновка 12 км мы шли пешком и до фисташкового совхоза еще полтора км, где будет наша школа. Некоторые дети были слабые, быстро уставали. В.Я. подбадривал их, иногда даже нес. Тех, кто постарше, учил заботиться о маленьких и слабых. Шли мы долго, часто отдыхали. Наконец, перед заходом солнца добрались до школы. А здесь нас ждала баня и вкусный ужин.

После ужина ребята разошлись по помещениям и двору. С огромным возбуждением и интересом все осматривали и исследовали. Все было ново и удивительно.

В этот вечер В.Я. и я долго не могли уложить ребят спать.

Через несколько дней, первого апреля 1935 г. состоялось открытие школы. Нас приветствовал и поздравил В.Я. и какой-то мужчина из Кушки. Как я теперь догадываюсь, то был какой-то чиновник народного образования.

Началась наша школьная жизнь. Правильно школа называлась «Детский дом для слепых детей». Я был самый старший из учеников и всегда помогал Василию Яковлевичу. Мы учились читать и писать по Брайлю, учили наизусть стихи, пели песни, разучивали игры. Вначале все уроки В.Я. вел сам, а потом появились другие учителя. Особенно мне нравились уроки труда. Нас учили пользоваться ложкой, вилок, ножницами, пришивать пуговицы и вешалки к одежде. Некоторые, в том числе и я, многое уже умели делать и пользоваться другими инструментами: топором, молотком, щипцами, стамеской и т. д. Мы вырезали из кусочков дерева грифели, чтобы писать по Брайлю, ремонтировали стулья, столы, работали в огороде, убирали двор и помещения, ухаживали за курами, гусями, козами, даже за коровой и за ослом Митькой.

Вопреки бытующему мнению об упрямстве ослон, наш Митька был послушный, умный и добродушный. Полюбили мы и неизвестно откуда взявшегося песика Дружка.

По нашей просьбе он мог ходить на задних лапках, подымал и опускал уши, находил предметы, которые мы теряли или нарочно бросали. Он был с нами всегда и везде. Его спина и бока были черные, как уголь, а голова, хвост, живот и лапы – очень белые, и нам хорошо было видно его в траве и кустах.

В.Я. учил пилить и колоть дрова, заготавливать сено. Мы запрягали Митьку в повозку, ставили на повозку бочку и ездили за водой к источнику. Помню такой случай. Однажды мы поехали за водой, и В.Я. сказал: «Сегодня 19 января, православный праздник – Крещение. По русскому обычаю, в этот день нужно купаться под открытым небом». Было очень холодно, а он разделся и стал плескаться в источнике. Мы смеялись, подбадривали его возгласами. Он тоже смеялся и вскрикивал весело. Мы боялись вообразить такое купанье и беспокоились, не заболел бы он. Но нет, не заболел! А летом В.Я. учил ребят плавать и не бояться воды. Он учил нас не бояться нового, но быть благодарными.

Он говорил: «Не бойтесь трудностей, и тогда вы научитесь их преодолевать».

Из жизни школы запомнился еще такой случай. Руководители совхоза и сельсовета не всегда обеспечивали нас дровами. Поэтому часто мы сами занимались заготовкой дров. Удобнее это было делать в период от поздней осени до ранней весны, чтобы не встретиться в пустыне ядовитых пауков, змей и хищных ящериц варанов. Все они на зиму прячутся глубоко в песок.

Под руководством В.Я. старшие ребята брали 2–3 топора, большие кухонные ножи и шли в пустыню собирать саксаул и верблюжью колючку. Сухая верблюжья колючка – не только хорошее, жаркое топливо, но ее отвар – прекрасное лекарство при болезнях живота. Мы рубили сак-

⁴³ ТОС и ТОГ – Туркменское общество слепых и глухонемых.

саул и верблюжью колючку и складывали в отдельные кучи. В.Я. работал вместе с нами и рассказывал о пустыне и ее обитателях – растениях, насекомых и животных. Поблизости пасся наш ослик, а Дружок бегал туда-сюда, он повсюду успевал. Когда собирались достаточно большие кучи нарубленных растений, я запрягал ослика Митьку в повозку, мы грузили на нее нашу «добычу», крепко привязывали, и я отвозил в школу. Потом возвращался за новой порцией топлива.

Оставшиеся в пустыне ребята продолжали сбор растений. С каждым таким походом за топливом мы удалялись от школы все дальше и дальше. И вот однажды мы ушли особенно далеко и нашли там густые заросли. Хотя наши руки и ноги были уже сильно исколоты и исцарапаны шипами, ребята работали усердно, так как В.Я. сказал, что, наверное, испортится погода, и нужно спешить.

И вот, когда мы начали загружать в очередной раз повозку, вдруг издадала громкий мужской голос: «Соберитесь все у повозки, быстро!»

От неожиданности мы прекратили работу и замерли. Приказ повторился ближе. Все ребята подошли, как было сказано. К нам приблизились два военных.

По фуражкам и погонам мы догадались, что это пограничники. Уже тише и спокойнее они сказали: «Вы зашли на государственную границу. Немедленно уходите отсюда и никогда здесь не появляйтесь!» Они помогли погрузить часть нашей заготовки, крепко привязали и уже совсем дружелюбно добавили: «А остальное мы привезем сами». Василию Яковлевичу же они сказали: «А вы, товарищ, идите с нами!»

Мы отправились в школу и прибыли туда без приключений. Нас окружили ребята, не принимавшие участия в походе. Участники экспедиции рассказали им о том, что произошло в пустыне. Я выпряг Митьку и пустил его пастись. Мои друзья Женя Белюк и Паша Зубков помогли мне разгрузить и сложить на место саксаул и верблюжью колючку. А вскоре долгожданный звонок позвал нас обедать.

Пока мы обедали, подул сильный ветер, тучи пыли и песка поднялись в воздух и закрыли солнце. Это была пыльная буря. В.Я. не зря нас торопил. Плохо нам было бы, если бы буря застала нас в пустыне. Я поспешил за Митькой, но он сам уже бежал к нашей калитке. Я ввел его в сарай и дал воды. Выйдя из сарая, я помог второкласснице Нюре загнать в курятник кудахтающих и взлетающих кур. А Валя сама справилась, она закрывала гусятник, в котором громко гоготали его обитатели.

Теперь все было в порядке, и мы побежали в помещение школы. Остальные ребята были уже там. Они плотно закрыли все двери и окна, чтобы во время пыльной бури как можно меньше песка и пыли проникло в помещение. Мы занялись каждый своим делом: кто-то читал книгу, кто-то учил стихи. Старшие девочки наводили порядок и помогали повару тете Паше, младшие ребята играли.

В.Я. долго не возвращался, и ребята высказывали разные предположения о причине его задержки.

Пыльная буря свирепствовала около двух часов и постепенно стихла. Мы вышли во двор. Толстый слой пыли и мелкого песка лежал на всем. Принялись за уборку. Вдруг услышали гул мотора приближающегося грузовика. Он остановился около наших ворот, и из него вышел В.Я. Все выбежали на улицу и радостно его приветствовали. Он весело крикнул: «Открывайте ворота!»

Я поспешил выполнить его команду. Машина медленно въехала во двор. Из кабины выпрыгнул пограничник и крикнул: «Разгружайте!» Я, Женя, Паша и сам шофер залезли в кузов и заработали.

Пока мы разгружали саксаул и верблюжью колючку, В.Я. рассказал, что пограничники повели его на погранзаставу. Начальник пригласил его в кабинет и долго беседовал с ним о нашей школе и о жизни слепых людей.

Потом начальник приказал пограничникам погрузить в машину три мешка сахара, два мешка муки, по мешку риса, макарон и гороха, забрать в пустыне остальное топливо и все отвезти в нашу школу. В.Я. сердечно поблагодарил начальника погранзаставы, сел в машину и поехал вместе с шофером-пограничником.

Да, действительно, в кузове, около кабины лежали мешки с продуктами. В то время шла война с Финляндией, и, конечно же, продуктов не хватало. Вообразите нашу радость!

С тех пор пограничники доставляли нам топливо, а иногда и продукты. Мы были очень благодарны им и устраивали для них концерты.

Из нашей школы я ушел в 1939 г., но с В.Я. мы часто виделись до самого его отъезда в июне 1945 г. Я его провожал, когда он уезжал из Туркмении.

Когда я стал взрослым, то понял, что В.Я. учил нас быть самостоятельными и трудолюбивыми. Все то доброе, чему учил наш учитель, очень помогало мне в жизни. Я благодарен судьбе, что на моем жизненном пути встретился этот необыкновенный человек.

Воспоминания воспитанника В.Я. Ерошенко Нурума Момыева

До 10 лет я жил в Дарвазе. Потом меня повезли в Ашхабад, а оттуда меня направили в детдом для слепых детей, где работал В.Я. Ерошенко. Это было в 1942 г. Эта школа была в селе Моргуновка, и даже не в селе, а около него, в фисташковом лесхозе. Там я пробыл до 1948 г., но нашу школу перевели в 1943 г. в Мургаб. А Василий Яковлевич проработал до 1945 г.

Это было очень трудное время – была война. Не хватало питания, было мало дров, и зимой мы мерзли. Василий Яковлевич заботился о нас как мог. Особое внимание он уделял слабым и больным. Из ребят, которые учились со мной, помню Кулиеву Акчу, Нурлиева Мерета, Гуюдова Мерета (он, кажется, в доме инвалидов в г. Чарджоу). Помню Зою Токаеву. Она живет на Украине.

Василий Яковлевич часто читал нам книги, а мы любили его слушать. Он создал брайлевский туркменский алфавит, добился издания учебников естествознания и книги для чтения 1-го и 2-го класса, которые он перевел на туркменский язык.

Василий Яковлевич всегда возил с собой книги и шахматы. А еще он часто рассказывал нам сказки и интересные истории. А уроки у нас проходили так: один из нас читал на русском языке, а другой – на туркменском. Так проходили уроки чтения и естествознания. Было очень интересно. Я благодарен судьбе, что учителем у меня был В.Я. Ерошенко. Память о нем у меня останется на всю жизнь.

СОКМ КП № 14644

Воспоминания бывшего воспитанника В.Я. Ерошенко Ниязменглиева Байназара [рукопись]

До 10 лет я был зрячим. Окончил два класса в Казанжикском районе, в песках. У меня глаза болели, правда, зрение резко упало. Учился тогда на туркменском языке. Тогда и азбука была другая – писали латинскими буквами. Потом я ослеп. Отец меня привез в Ашхабад, чтобы вылечить. В больнице сказали, что я еще маленький. А потом я года два сидел в ауле, кибитке, никуда не ходил, сидел. Подадут кушать – кушал, не подадут – не ел. Потом отец как-то узнал, что в Кушке есть школа слепых детей. Он мне сказал: «Вот что: поведем тебя в ту школу». И в 1941 г. он привез меня в Ашхабад. Нашел ЦП ТОС и ТОГ⁴⁴, договорился, наверно, и оставил, а сам попрощался и уехал. Лежал я в коридоре. И ребята здесь уже были. Они работали. Какую работу они выполняли, я не знаю – еще маленький был.

Потом меня поручили Акиеву. Он работал в ЦП. Он повез меня в Мары. В Мары и в Байрам-Али были комбинаты слепых. Акиев повез меня в Марыйский комбинат. Мне показали впервые брайлевский журнал. Тут нам сказали, что Марыйский и Байрам-Алийский комбинаты объединяют и Марыйский переезжает в Байрам-Али. А утром мы на поезде приехали в Кушку. Не прямо в Кушку, а в поселок Моргуновку. Спросили, где находится школа слепых детей, а нам сказали: «А вот учитель с учениками поливает огород». А у Ерошенко было всегда так: то он поливает огород, то в лес с детьми пойдет, то дрова пилит, кушают или по горам гуляют.

Дошли мы до огорода, а там дети 10-ти и 15-ти лет, слабовидящие и совсем слепые.

Акиев спросил их: «Где учитель?» А они все хором закричали: «Василий Яковлевич! Василий Яковлевич!»

От огорода до школы было далеко – километра полтора-два, и он меня на руках донес.

⁴⁴ Центральное правление Туркменского общества слепых и глухонемых.

Школа была в фисташковом лесхозе. Чтобы идти под горой, нужно было пройти через ручеек. Привели меня в столовую и посадили кушать на кушетку. А я же раньше в ауле жил и не знал, как нужно правильно сидеть, и сел на подушку. Накормили меня, да так хорошо, мне очень понравилось. А Акиев переночевал и уехал. А утром меня искупали, одели. Все дали новое, и завтракая, я думал: «Кто за это за все заплатил?» Принесли букварь, показывают, испытывают – смогу ли я учиться? Мы приехали в школу в мае, до войны оставалось месяца полтора.

Когда я приехал, было много ребят, а потом их выпустили – Реджепа Баблаева, Романа Ларионова и др. Когда я приехал, в школе был и Петкулаев. А Ерошенко был и учителем, и директором. Сам взвешивал и выдавал продукты. Кушал и спал всегда вместе с нами. Все ученики сидели в одном классе, и только он знал, кто в каком классе учится. Василий Яковлевич был очень добрый человек, но бывало, что и строгий. Он умел заставить, потребовать то, что нужно. Мне кажется, что он был как Ленин. Но иногда он бывал вспыльчивый, когда не по его. А относился к нам, как отец. Когда мы шли на прогулку, он не брал воспитательницу, зато брал всех детей. Он приучал нас к труду. Хотел, чтобы ничего не боялись, были самостоятельными и все умели. Когда Василий Яковлевич нам читал, он нас не собирал, а мы сами шли слушать его. Он очень хорошо читал, с выражением. У нас был красивый уголок, так он там часто читал. А потом говорил: «Ну, друзья, хватит, пора спать!». А мы просили: «Василий Яковлевич, ну еще немножко!» Уезжая на летние каникулы, он набирал полный рюкзак книжек, садился на поезд, и мы все его провожали. Ко всем детям он относился одинаково.

Привезет что-нибудь – разделит каждому понемногу. А если обидят детей, он всегда за нас стоял горой. Из-за этого он разругался с директором, когда уже стал учителем. Вместе со мной училась моя будущая жена, Л.Д. Константинова.

Еще учился у нас Шура Корнеев, Али Тулеков, Женя Белюк, Сейли Нурмамедов, Нюра Джамалова. Она живет сейчас, кажется, в Катакургане. Учился я до 46-го г. В октябре 1943 г. нашу школу перевели в Мургаб. Тогда на вокзале мы и растеряли книги по Брайлю. Книги у нас были на русском и на туркменском языке. Василий Яковлевич обучал нас: туркмены читали по-русски, а русские – по-туркменски.

И неспособные [были] – Василий Яковлевич их все равно держал. У нас был двор, где держали подсобное хозяйство. А в помещении мы вязали носки, вили веревки. Мы ездили на водовозке за водой. Запрягали ишака и вдвоем ездили к жёлобу на электростанцию. Пасли двух школьных ишаков и баранов. Училось нас человек двадцать. А о том, что Ерошенко что-нибудь сочинял, он нам не говорил. У него не было привычки хвалиться. А когда переехали из Кушки в Мургаб, нам прислали нового директора Анатолия Фёдоровича Соловьёва. А Василий Яковлевич стал учителем. Во время праздников он водил нас в клуб. Мы там выступали.

В.Я. Ерошенко уехал из Туркмении в 1945 г. В моей памяти остался светлый и добрый образ нашего дорогого учителя. Хотя он был добрый, но, когда это нужно, был требовательный. Только став взрослым, я понял, как мне повезло в жизни, что я был воспитанником Василия Яковлевича.

СОКМ КП № 14643

Воспоминания ученицы В.Я. Ерошенко З.А. Токаевой

Как будто расстались недавно. Мы жили в трудное время, но у нас было детство. В играх забывали свои невзгоды, ему, нашему учителю, пришлось нелегко, но он никогда о своих трудностях никому не говорил, как бы нам ни жилось; я благодарна судьбе, что встретился мне такой хороший, исключительный человек. В трудную минуту было на кого опереться. Мы, сироты, льнули к нему, и он, по силе возможности, старался всем помочь. Если бы не война, не было бы у нас печали. До войны мы были все жизнерадостные, с нами и учитель веселился, а она, проклятая, всему виновата.

Когда меня привёз Ерошенко в школу, то учил он почти сам. Иногда помогал Иванов. Он был больной, потом совсем перестал нас учить. Василий Яковлевич учил нас по два класса одновременно. У нас считалось начальная школа. Два класса учились до обеда, два

после. Те, кто не учились, занимались трудом. Домашнее задание готовили после ужина. Подъём был в семь часов утра, в половине восьмого зарядка, в восемь часов начинался завтрак. И так ежедневно. Только летом мы были не очень занятыми. До обеда потрудившись, мы были свободными.

На труде читали нам что-нибудь, или Василий Яковлевич читал свой туркменско-русский словарь. Алфавит был русский. Его придумал сам Василий Яковлевич. Добавились пять букв. Больших букв мы не писали, как вы, а в общем мы очень экономили бумагу⁴⁵. Учились по-русски, но со второго класса учили и туркменский язык, по четвёртый, а также в пятом классе вводился немецкий язык. Дети были разного возраста, но всё равно кончили четыре класса. Если еще мал, то тогда открывал наш учитель пятый класс. Были среди учеников и отличники. Им учитель делал подарки. Нюра Джамалова получила гитару, а из ребят – кто что: Роман мандолину получил, Сеид – цимбалы. Сколько лет прошло, многое забылось.

Лично я ученица средняя, как и все, в основном. Не сохранилось ни одного письма, только живёт в моей памяти его образ и будет жить до конца моей жизни.

СОКМ КП № 14645

Воспоминания Киселёвой Раисы Александровны, бывшей воспитательницы школы для слепых детей, организованной В.Я. Ерошенко в селе Моргуновка Кушкинского района Туркменской ССР (записаны 27.10.1992 г.)

После окончания 7-го класса нашей сельской школы первый год я начала работать вместе с мамой в фисташковом совхозе. Однажды, в начале марта 1935 г., маму вызвали в контору совхоза. Ее долго не было. А когда она пришла, сказала, что с нею разговаривал слепой человек, зовут его Василий Яковлевич Ерошенко. Он будет организовывать у нас детдом для слепых. Несмотря на то, что у многих из этих детей есть родители, они будут на полном государственном обеспечении.

Ерошенко предложил маме работать в этом детдоме поваром, но сразу предупредил: придется делать все, что делает хорошая хозяйка в большой семье.

Мама никакой работы не боялась и меня учила не бегать от всякой работы. Она без долгих размышлений согласилась, а через несколько дней позвала на новую работу помощницей и меня. Мы готовили помещение детдома для приема детей. Только вот не могу припомнить, что прежде было в этом дворе.

Мама, я и еще несколько человек под руководством В.Я. собирали по селу столы, стулья, шкафы, кровати, посуду, книги и все, что могли дать люди.

Собранное приносили в детдом, распределяли, расставляли и раскладывали по местам. Много чего В.Я. привозил из Кушки, а то и из Ашхабада. Работы было много.

Мы так уставали, что с трудом приходили домой. А дома тоже ждала работа: у нас были козы, гуси, куры, утки и огород. Когда в детдоме почти все было готово к приему, В.Я. стал привозить и приводить детей. Мы их мыли, переодевали, кормили, так сказать, приводили в порядок. А такие ребята, как Петя Малолетенко и Павел Зубков, даже хорошо нам во всем помогали.

Через какое-то время, кажется, летом, совхоз подарил корову, жители села стали приносить живых кур, гусей, уток. Некоторые сельчане даже приводили овец и коз. А один старенький туркмен приехал на телеге, запряженной осликом, и сказал В.Я.: «На, Митька! Ваша будет».

Когда мы познакомились с пограничниками, они привозили нередко макароны, рис, муку, горох, мясо зайцев, джейранов и диких птиц. А после нашего концерта на предприятии слепых в г. Байрам-Али они подарили девочкам шерстяные платки, а мальчишкам зимние шапки.

⁴⁵ Речь идет о письме по Брайлю, где заглавные буквы пишутся не всегда. Для него нужна специальная плотная бумага, подходящая для выдавливания точек грифелем.

Но эти роскошные подарки были потом, а в марте 1935 г. не скажу, что мы были богатыми, забот и хлопот хватало, и всему мы учили детей. Ведь некоторые из них не умели даже умываться, одеваться, правильно кушать.

К концу марта жизнь у нас почти полностью наладилась, и первого апреля 1935 г. состоялось торжественное открытие нашего детдома. На нем присутствовало начальство совхоза, сельсовета и даже из Кушки. Директором назначили В.Я. Ерошенко. Хотя детей пока было всего 12 человек, видимо, власти придавали большое значение такому событию. А мы радовались.

Как я понимала, душой и затейником этого дела был В.Я. Он был необыкновенный, удивительный человек: несмотря на то, что абсолютно ничего не видел глазами, он видел умом и сердцем.

Все знал и все умел. Как вспомню, до сих пор удивляюсь: за всем и везде успевал! Ведь главная забота – обеспечение детдома всем необходимым – лежала на нем.

Сначала все уроки В.Я. вел один, я только помогала ему, да и то не так уж часто. В.Я. быстро овладел туркменским языком, придумал туркменский алфавит для слепых, перевел на туркменский язык букварь, книгу для чтения и учебник естествознания, переписал эти пособия по Брайлю и добился, чтобы их напечатали и прислали нам.

Дети по ним занимались. И что интересно – туркмены читали и отвечали на вопросы по-русски, а русские – по-туркменски. Им это казалось забавным. Они часто смеялись, подшучивали над ошибками, но на самом-то деле изучали два языка. И в быту стали общаться тоже на двух языках.

А потом приехали супруги Шамины. Они были очень образованными. В.Я. и Шамины обучали ребят играть на баяне, гитаре и фортепиано. У нас со временем расцвела художественная самодеятельность. Дети декламировали стихи, пели песни. Я учила танцевать. Мы поставили оперу «Коза-дереза»⁴⁶.

Выступали с концертами в совхозе, у пограничников и даже в г. Байрам-Али у взрослых слепых.

В.Я. получал много писем и книг обычным шрифтом и по Брайлю. Однажды меня вызвали в Кушку в НКВД (по-теперешнему – в милицию). Спрашивали, о чем ему пишут в письмах? Я сказала, что всю почту отдают ему самому, а если он отсутствует, то подсовывают под дверь кабинета. Но на самом деле некоторые книжки и журналы учитель мне показывал. В иностранных изданиях все тексты были замалеваны чернилами или вырезаны. Оставались только некоторые картинки.

Догадываюсь, что вызывали не только меня, скорее всего, и других работников, и так же, как и меня, строго-настрого предупреждали, чтоб никому об этом вызове не говорили.

Когда мне исполнилось восемнадцать лет, В.Я. назначил меня воспитательницей. Но работа моя практически не изменилась – как я делала все, что было необходимо, так и делала, только увеличилась моя ответственность за детей.

Особо хочется рассказать об обстановке и взаимоотношениях. Самое главное то, что В.Я. к детям относился, скажу без малейшего преувеличения, по-отцовски. Да, наверное, не все родные отцы так пекутся о своих детях, как он о наших.

Причем чем беспомощнее и слабее был ребенок, тем больше о таком малыше беспокоился и заботился В.Я. И от нас, работников, требовал такого же отношения. А когда замечал, что какой-нибудь сотрудник относится к своей работе нерадиво, наш директор таких сразу же увольнял.

Особенно сближал нас совместный труд. Ведь абсолютно все мы делали вместе с детьми: заготавливали траву и сено, ухаживали за животными, привозили воду из родника, убирали помещения и двор, работали в огороде – ну, все, все!

Хорошо помню, как мы спасали наш детдом после страшного ливня. Все, все копали арык от балки до оврага, чтобы селевой поток не затопил наш детдом. Кстати, мы редко говорили «детдом», обычно называли его школой.

Жизнь была интересная и разнообразная, намного интересней, чем в школе, где училась я. Наверное, поэтому дети, у которых имелись родители, домой особенно не рвались – знали, что дома и условия хуже, и скучнее.

⁴⁶ Речь идет о детской опере украинского композитора Николая Лысенко «Коза-дереза».

За все время моей работы, скажу точно, ребята ни разу не скандалили и не дрались, ну разве что спорили о чем-нибудь по мелочам.

Осенью 1943 г. из Ашхабада пришло распоряжение о переводе нашего детдома в Мургабский район. Дети и сотрудники очень этого не хотели и сильно переживали. В.Я. тогда уже не был директором и ничего не мог сделать, чтобы отменили это распоряжение.

После отъезда нашего детдома в Мургабский район мы с мамой опять стали работать в фисташковом совхозе.

П.С. Вот смотрю я на фотографию, что вы мне принесли, и сразу узнаю В.Я., Мереду Нурлиева, Мусу Амансахатова, Нурума, Акчу, а других пока не могу хорошо рассмотреть – день сейчас пасмурный, да и эта копия сделана с очень старого снимка, наверное, 1942 или 1943 г. Если можете мне её оставить, чтобы я могла хорошо ее рассмотреть в солнечную погоду, то постараюсь всех узнать. А потом я вам её верну.

Как-то давно мой муж случайно купил вот такой альманах «Прометей» 1964 г.⁴⁷ Стал просматривать его и вдруг говорит: «Смотри, здесь про Ерошенко и о детдоме написано, в котором ты работала! Помнишь, ты мне рассказывала?»

Я прочитала и расплакалась – вспомнила ту добрую обстановку, в которой мне довелось начинать свою многолетнюю трудовую жизнь.

(Компьютерный набор брайлевского текста осуществил А. Масенко).

Из рассказов З.И. Шаминой, учительницы Республиканского детского дома для слепых детей № 1 в Кушке в 1937–1938 гг., приведенных А.А. Панковым в повести «По следам Василия Ерошенко»⁴⁸

Летом 1937 г. Ерошенко заехал в Москву из отпуска в Обуховке и стал уговаривать меня и мужа поехать в Кушку преподавать музыку: мол, дети лишены возможности по-настоящему заниматься музыкой. Мы согласились, доехали до Байрам-Али, где нам не дали пропуск до Кушки. Мне пришлось вернуться в Москву для оформления пропуска. В Моргуновке я лично проработала только один учебный год, а муж – до мая 1939 г. Школа была маленькая. При мне было всего тринадцать учеников. Утром – занятия, вечером – игры, разучивали сценки, мы читали детям книги. Я сама читала «Кондуит» Льва Кассиля и «Как закалялась сталь» Николая Островского. А уж попозже, после отбоя, мы обычно собирались почаёвничать: обсуждали события дня, его итоги, а чаще всего спорили. Василий Яковлевич часто был резким, но мы никогда друг на друга не сердились... Он был за воспитание, как он говорил, семейное. Дети всех называли по имени: тётя Зина, дядя такой-то. Правда, его самого называли по имени и отчеству, и это для них было трудно и многие выговаривали быстро и укороченно: «Слакович» или раздельно «Васья Клыч». Запомнился наш спор о школьном звонке. Ерошенко его не признавал: мол, это казёнщина, доказывала, что уборщица и так загружена, а ещё ей надо будет звонить! Но я была против, доказывала, что нужен определённый порядок, а звонок будет поднимать дисциплину, настраивать на урок. И, побывав на каникулах в Москве, вопреки ему, я привезла звонок. Дети звонили с превеликим удовольствием, звонок привился...

К себе Ерошенко относился по-спартански. Любимой собакой в Моргуновке у него была Пальма. Школу финансировал собес в Тахта-Базаре, куда мы ездили больше всего по хозяйственным и другим делам. А в Кушку – в магазин и парикмахерскую. Воспитателей и сотрудников он сам выдвигал из «низов», говоря при этом: «Лучше честный человек, чем образованный халтурщик». Но сам как хозяйственник был не очень практичен, и его многие обманывали.

⁴⁷ Харьковский А. Японский поэт Василий Ерошенко // Прометей. Т. 5. – М.: Мол. гвардия, 1968. – С. 76–84.

⁴⁸ Панков А.А. По следам Василия Ерошенко // Школьный вестник. – 2017. – № 4. – С. 86–87.

Список использованной литературы

1. Шамина З.И. Нотная система для слепых и рельефные чертежи нотно-линейной системы [Шрифт Брайля]: в 5 кн. / З.И. Шамина, Г.П. Клевезаль. – М.: Учпедгиз, 1955.
2. Шамина, З.И. Запись нот по системе Брайля / З.И. Шамина, Г.П. Клевезаль. – М.: Учпедгиз, 1961. – 68 с.
3. Osipenko N.F. Esplor-agado pri Vasilij Erosxenko en Asxhxabad (Turkmenio) [Электронный ресурс] / N.F. Osipenko. – Режим доступа: [http://www.libe.slikom.info/Erosxenko-Konkurso/Nikolaj%20Osipenko%20\(Rusio\).htm](http://www.libe.slikom.info/Erosxenko-Konkurso/Nikolaj%20Osipenko%20(Rusio).htm) (последнее обращение 20.09.2019).
4. Поляковский А.С. Слепой пилигрим: повесть [о Василии Яковлевиче Ерошенко]: в 2 кн. / Альберт Поляковский. – Москва: Логос ВОС, 2012.
5. Поляковский А.С. Слепой пилигрим: повесть / А. Поляковский // Школьный вестник. – 2000. – № 7–12; 2001. – № 1–12; 2002. – № 1–5.
6. Сизова А.И. Московская средняя школа-интернат №1 для слепых детей им. В.Я. Ерошенко – 120 лет: проспект / А.И. Сизова. – М.: Логос ВОС, 1992. – 16 с.
7. Музей истории Московской школы-интерната № 1 для слепых детей им. В.Я. Ерошенко: проспект. – М.: Логос ВОС, 1994. – 18 с.
8. Воцугин А. Производственные мастерские для слепых / А. Воцугин // Туркменская искра (Ашхабад). – 1935. – 8 мая.
9. Соловьёва А.И. Зрение незрячих – знания, ум и воля / А.И. Соловьёва. – СПб.: Новая библиотека, 2001. – 100 с.
10. Ерошенко В. Первый всесоюзный шахматный турнир слепых [Шрифт Брайля] / В. Ерошенко // Жизнь слепых. – 1938. – № 15. – С. 24–28.
11. Победители на Всероссийском шахматном турнире в Ленинграде [Шрифт Брайля] / под ред. Я.М. Лепина // Жизнь слепых. – 1938. – № 16. – С. 41–47.
12. Панков А.А. По следам Василия Ерошенко / А.А. Панков // Школьный вестник. – 2017. – № 4. – С. 80–94.
13. Eroshenko V. Moumoku to iu koto. Eroshenko zenshu / V. Eroshenko; ed. Takasugi Ichiro. – Tokyo: Misuzu Shobo, 1959. – Vol. 2. – P. 299–305.
14. Andrews C.F. The Eyes of Blind / C.F. Andrews // The Modern Review (Calcutta). – 1919. – No. 4. – P. 339–342.
15. Tanabe Kunio. Edukista dimensio de Eroŝenko / K. Tanabe // Historio de la Esperantomovado inter la blinduloj 1888–2015. – Ligo Internacia de Blindaj Esperantistoj. – Presejo: Keuruskopio Oy, 2016. – P. 315–319.
16. Малофеев Н.Н. Специальное образование в меняющемся мире. Россия. В 2 ч. Ч. 2 / Н.Н. Малофеев. – М.: Просвещение, 2013. – 320 с.
17. Обучение и воспитание аномальных детей в Туркменской ССР / под ред. М. Ишанкулиева // Развитие специального обучения и воспитания аномальных детей. – М.: АПН СССР, 1973. – С. 437–455.